

На правах рукописи

Морина Людмила Александровна

**РИТОРИКА ДЕКОДИРОВАНИЯ:
ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ
И ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ**

Специальность 5.9.8. Теоретическая, прикладная
и сравнительно-сопоставительная лингвистика
(филологические науки)

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Красноярск – 2026

Работа выполнена на кафедре филологии факультета гуманитарного образования федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Новосибирский государственный технический университет»

Научный консультант: доктор филологических наук, профессор
Копнина Галина Анатольевна

Официальные оппоненты: **Бутакова Лариса Олеговна**, доктор филологических наук, профессор, федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского», профессор кафедры русского языка, литературы и документных коммуникаций

Катышев Павел Алексеевич, доктор филологических наук, профессор, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина», заведующий кафедрой общего и русского языкознания

Ухова Лариса Владимировна, доктор филологических наук, доцент, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского», профессор кафедры журналистики и медиакоммуникаций

Ведущая организация: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Челябинский государственный университет»

Защита диссертации состоится 15 июня 2026 года в 10 часов 00 минут на заседании диссертационного совета 24.2.404.11 на базе федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Сибирский федеральный университет» по адресу: г. Красноярск, пр. Свободный, 82, стр. 9, ауд. 4-02.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет»: <https://www.sfu.ru/ru>.

Автореферат разослан «___» марта 2026 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Бурмакина Наталья Геннадьевна

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

В диссертационном исследовании представлена концепция риторики декодирования – ее теоретическая разработка и комплексная методологическая апробация.

Гуманитарная наука второй половины XX столетия переживает несколько существенных поворотов, обозначенных философией неопрагматизма, – лингвистический, интерпретативный, риторический¹. Анализ генезиса риторического знания свидетельствует, что «XX век формирует новый запрос на риторику как на средство достижения эффективной коммуникации, причем с отложенным результатом и с максимально широкой областью применения, от научного поиска и эпистемологии до урегулирования межнациональных, локальных, политических и других конфликтов»². Сегодня востребованность риторики определяется не только ее известными технологическими возможностями в обеспечении эффективности коммуникативно-речевого взаимодействия, но и способностью объяснять, регулировать и моделировать процессы понимания, которые «питает глубокий онтологический интерес к проблеме Другого, – в частности, как субъекта или адресата высказывания»³. Риторика, много веков предписывавшая правила эффективного кодирования и исчерпавшая свои исследовательские ресурсы в объективистском направлении «Говорящий–Текст», предлагает в неориторических форматах следование по усложненному маршруту «Говорящий–Текст–Понимающий», открытому для декодирования речекоммуникативного опыта.

Такая тенденция развития неориторической науки обусловлена комплексом взаимосвязанных факторов – социокультурных, эволюционно-технологических, собственно текстовых. Угасание постмодернистской эпохи, ее наблюдаемое поглощение метамодернизмом, характеризующимся «двойной связью между современным стремлением к смыслу и постмодернистским сомнением в смысле сущего»⁴, создают условия для пересмотра научных практик. Сложившаяся к настоящему времени социокультурная ситуация, демонстрирующая, с одной стороны, взрывной рост коммуникационных технологий и массовый спрос на информацию, а с другой – индивидуальное стремление к преодолению информационной экспансии, вынуждает искать новые риторико-лингвистические пути диагностирования качества текстов как инструментов миромоделирования и оценки их воздействующего потенциала. Более того, в условиях всесилья медиа, определяющих зависимость массового сознания от СМИ, особенно острой видится проблема преодоления объективированного дерридианской философией

¹ The Rhetorical Turn: Invention and Persuasion in the Conduct of Inquiry / ed. by H. W. Simons. – Chicago: University of Chicago Press, 1990. – 388 p.

² Косарев, А. В. Прагматистские основания риторического поворота: историко-философский анализ: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.03 / Косарев Андрей Викторович. – Томск, 2017. – С. 4.

³ Тюпа, В. И. Дискурсные формации: очерки по компаративной риторике: монография / В. И. Тюпа. – М.: Изд. дом ЯСК, 2010. – С. 76.

⁴ Vermeulen, T. Notes on metamodernism / T. Vermeulen, R. van den Akker // Journal of Aesthetics & Culture. – 2010. – Vol. 2, is. 1. – P. 6. Перевод с английского наш. – Л. М.

несоответствия, возникающего «между тем, что текст “хочет сказать”, и тем, что он принужден означать»⁵. Ценность приобретают не только понимание как таковое, но и понимание того, какими способами и средствами оно достигается, что требует обновления сформированного лингвистикой и риторикой научного инструментария в области изучения текстообразования.

Актуальность настоящего исследования, таким образом, определяется, во-первых, его включенностью в целый ряд гуманитарных направлений, в том числе лингвистических и риторических, связанных с изучением как процессов понимания, так и проблем эффективности речевой коммуникации и дискурсивных практик. Во-вторых, необходим пересмотр методологических предпочтений риторики, обеспечивающий перенос исследовательского внимания с говорящего (кодирующего) на слушающего (декодирующего). Как следствие, в-третьих, фактором актуальности выступает смена исследовательской траектории «Смысл–Текст» (И. А. Мельчук) на направление «Текст–Смысл–Контекст», что соответствует отмечаемой философией языка тенденции к интерпретативизму. В-четвертых, выдвижение новых исследовательских моделей, аккумулирующих полидисциплинарный опыт и реконструирующих текстообразование как результат осознанного вербального кодирования, способствует решению глобальной филологической задачи «экстериоризации понимания» (Г. П. Щедровицкий). В-пятых, активно формирующаяся сегодня теория медиатекстуальности требует переосмысления накопленного теоретического опыта, расширения доказательной базы в условиях динамики развития инфосферы и трансформации текстовой природы, подверженной «дискурсным смещениям» (И. В. Силантьев). Наконец, к факторам актуальности может быть отнесен потенциальный запрос подвергающегося медиатизации общества на риторическую метакомпетентность как результат сформированности «распредмечивающего понимания» (Г. И. Богин), основанного на знаниях о механизмах создания и функционирования текстов. Указанные факторы актуальности отражают условия выбора темы исследования, демонстрируют его теоретическую состоятельность и практическую направленность.

Степень разработанности проблемы исследования. Риторика в любом ее истолковании направлена на текст, трактуемый как «носитель смысла, находящего выражение в его структуре и языковых средствах»⁶, как «первичная данность... вообще всего гуманитарно-филологического мышления...»⁷. Именно обращенность к тексту определяет широту поисковых горизонтов риторики, ее антропоцентричность, аксиологизирующую *Homo loquens*, потенциальную дисциплинарную интегративность, плюралистичность исследовательской

⁵ Автономова, Н. С. Деррида и грамματοлогия / Н. С. Автономова // Деррида Ж. О грамματοлогии / пер. с франц. и вст. ст. Н. С. Автономовой. – М.: Ad Marginem, 2000. – С. 71.

⁶ Рогова, К. А. Текст: теоретические основания и принципы анализа / К. А. Рогова, Д. В. Колесова, Н. В. Шкурина [и др.]; под ред. К. А. Роговой. – СПб.: Златоуст, 2011. – С. 6.

⁷ Бахтин, М. М. Автор и герой: к философским основам гуманитарных наук / М. М. Бахтин. – СПб.: Азбука, 2000. – С. 299.

идеологии, предполагающую разнообразие сценариев воплощения риторического знания.

Ядро неориторики составляют направления и концепции, оказавшие значительное влияние на теоретическое и методологическое развитие гуманитарной науки в целом: философия риторики А. А. Ричардса; драматическая методология К. Бёрка; аргументационное моделирование С. Тулмина; неориторика Х. Перельмана; прагматическая теория аргументации Ф. Х. ван Еемерена и Р. Гроотендорста; семиология Р. Барта; интерпретативная семиотика У. Эко; общая риторика бельгийской «группы μ », заложившая традиции современной литературной риторики; отечественная литературная риторика, получившая развитие в трудах С. С. Аверинцева, М. Л. Гаспарова, Ю. М. Лотмана, В. Н. Топорова; социально ориентированная риторика Ю. В. Рождественского; логико-риторическая теория аргументации А. А. Ивина.

В обширном пространстве неориторических изысканий в последние десятилетия активно развиваются следующие направления: литературная риторика (П. Е. Бухаркин), в контексте которой выделяются компаративная риторика (В. И. Тюпа) и риторика дискурсных смещений (И. В. Силантьев); риторическая критика (D. Endres, A. Hess, M. K. Middleton, S. Senda-Cook, Э. В. Будаев, П. А. Катышев, В. В. Смолененкова); политическая риторика (Г. Г. Хазагеров); медиариторика (И. В. Анненкова, С. А. Шомова) и политическая медиариторика (Т. Г. Добросклонская); лингвориторика (А. А. Ворожбитова); риторико-статистическая экспертиза (M. Bécue-Bertaut, B. Kostov, A. Morin, G. Naro); теория риторизованного взаимодействия, в русле которой ведется разработка методик выявления маркеров интерперсональности (П. А. Катышев, П. К. Иванов, О. В. Зайцева); систематизирующие исследования элокутивных ресурсов (Г. А. Копнина, В. П. Москвин, Г. Г. Хазагеров); риторика в составе филологической теории коммуникации (А. А. Чувакин).

Смежную с риторической сферу составляют медиалингвистические и медиадискурсологические исследования, посвященные технологиям речевого воздействия и оценке текстовой эффективности (О. С. Иссерс, Г. А. Копнина, А. А. Котов, Н. Н. Кошкарлова, Е. В. Лукашевич, А. Н. Назайкин, Н. Б. Руженцева, Л. В. Ухова, А. П. Чудинов, И. А. Якоба и др.). Несмотря на объектно-предметные, методологические, эмпирические различия неориторических и смежных с ними направлений, они так или иначе оказываются объединенными общей проблематикой исследования эффективности речевой коммуникации и воздействующего потенциала дискурса.

Вместе с тем достигнутый уровень в постановке персуазивно-перлокутивной проблематики и опыт изучения эффективности коммуникации требуют развития процедурно-методологического арсенала неориторики: формирования новых исследовательских предложений, связанных с моделированием действенного текста, оценкой его качества и коммуникативного потенциала, основанных на комбинаторике риторического знания с дискурсологическими, когнитологическими, психолингвистическими, семиотическими, лингвопрагматическими, коммуникативно-синтаксическими и другими достижениями. Такой комплексный

подход будет способствовать пониманию природы риторического текста как типологического феномена, решению проблем лакуарности в текстообразовании, выявлению глубинных оснований коммуникативной несостоятельности. Данная установка коррелирует с позицией медиариторики, постулирующей, что «риторика сегодня – это некий когерентный луч филологических дисциплин (стилистики, когнитивистики, прагматики, психолингвистики, лингвоэтики, лингвокультурологии, теории речевых актов). Собственно, тех дисциплин, которые она породила»⁸. Обоснованный синтез методологических возможностей риторики и лингвистики является условием валидности неориторических концепций, претендующих на новое научное знание и онтологический статус.

Риторика декодирования как филологическая концепция есть следствие реализации исследовательской потребности в переосмыслении многовекового риторического наследия, возрожденного в эпоху развития общества постмодерна и функционирующего в новых формах в контексте информационно-коммуникационных технологий XXI столетия.

Конструирование концепции риторики декодирования есть подтверждение **гипотезы**, состоящей в том, что риторическое декодирование текста (далее РДТ. – Л. М.) есть последовательная уровневая объективация риторического текстотипа как ментальной модели воплощения риторического кода, генетически обусловленного структурой коммуникативного акта и определяющего тем самым эффективность текстообразования.

Объектом исследования является феномен риторического текстообразования в аспекте декодирования его воздействующего потенциала.

Предмет исследования – механизмы текстообразования, реконструирование которых объективирует параметры риторичности текста и диагностирует его эффективность.

Цель исследования состоит в формировании системы теоретических оснований риторики декодирования и демонстрации ее методологических ресурсов.

Указанная цель обуславливает решение следующих **задач**:

- 1) описать актуальный социокультурный контекст и систему научных предпосылок становления риторики декодирования;
- 2) дать концептуальное обоснование риторике декодирования как новому интегративному направлению филологического знания;
- 3) разработать теоретико-методологические основания риторики декодирования, включая когнитивно-коммуникативные, семиотические, лингвопрагматические;
- 4) представить тактико-стратегическую матрицу риторического декодирования и обосновать ведущий метод РДТ – лингвориторическую реконструкцию текстообразования; провести его психолингвистическую верификацию;

⁸ Анненкова, И. В. Место риторики в зарубежной и отечественной филологии / И. В. Анненкова // Филология: научные исследования. – 2012. – № 2 (06). – С. 5–24.

5) описать дизайн исследования с опорой на критерии интеллектуального анализа текста и построить уровневую модель РДТ;

6) осуществить риторическое декодирование медиатекстов путем реконструкции способов и средств репрезентации риторических стратегий текстообразования;

7) расширить лингвистические представления о риторико-параметрической специфике медиатекста, механизмах его текстообразования и его персуазивно-перлокутивной природе;

8) реализовать с целью мониторинга текстовой эффективности лингвориторическую реконструкцию текстов массовой коммуникации, иллюстрирующих опыт успешных медиапрактик;

9) сформировать субтеорию риторических рисков на материале медиатекстов турбулентных периодов;

10) разработать и апробировать экспериментальный аппарат и методику риторического диагностирования медиатекста.

Материалом исследования выступает корпус текстов массмедийного дискурса общим объемом более 1 120 тыс. знаков. Кроме того, в результате расшифровки видеоматериалов общероссийского федерального канала «Первый», федеральных каналов медиахолдинга ВГТРК «Россия 1» и «Россия-Культура», платформы YouTube общей продолжительностью 613 минут получены тексты, расширившие исходный корпус. В качестве дополнительного текстового материала привлекаются интернет-комментарии к видео С. Дробышевского на разных YouTube-каналах и отзывы зрителей о телевизионной программе Е. Колесова «Открытие Китая». Эмпирическую базу исследования также составляют результаты риторического диагностирования: 360 заполненных диагностических карт, 2 520 полученных реакций испытуемых.

Теоретическая база исследования сформирована трудами отечественных и зарубежных ученых, посвященными:

- методологии научного познания и моделированию научного исследования (Ю. Д. Апресян, А. А. Гируцкий, Е. С. Кубрякова, Т. Кун, Н. М. Мамедов, К. Р. Поппер, Г. И. Рузавин, Ю. С. Степанов и др.);

- истории мировой риторики, ее цивилизационной роли, глобальными тенденциями развития (R. Barthes, D. P. Gaonkar, С. С. Аверинцев, И. В. Анненкова, В. И. Аннушкин, Н. А. Безменова, Ю. Н. Варзонин, А. А. Волков, Х.-Г. Гадамер, М. Л. Гаспаров, Р. Лахманн, А. Ф. Лосев, Ю. М. Лотман, М. И. Панов, Л. Е. Тумина, Ю. В. Рождественский и др.);

- философии языка (Л. Витгенштейн, Р. Рорти); семиотической теории (Э. Бенвенист, Ч. У. Моррис, Ч. С. Пирс, У. Эко); теории коммуникативного действия (Ю. Хабермас); философской герменевтике (Х.-Г. Гадамер, П. Рикёр); философии деконструктивизма (Ж. Деррида), а также интерпретации лингвофилософского наследия (V. Colapietro, F. Fischer, H. Gottweis, С. Koopman, Н. С. Автономова, М. Н. Вольф, М. С. Козлова, А. В. Косарев, Ю. Коткавирта, А. П. Огурцов и др.); эпистемологии языка (П. Серио); теории методологического мышления (Г. П. Щедровицкий); филологической герменевтике (Г. И. Богин);

– социологии массовой коммуникации и медиакультуре (J. Baudrillard, А. Нерр, F. Krotz, Д. Баррат, М. Н. Володина, Е. И. Горошко, Э. Гриффин, Ги Дебор, Э. Деннис и Дж. Мэрилл, И. М. Дзялошинский, А. В. Костина, И. А. Мальковская, Г. М. Маклюэн, И. Д. Тузовский, С. Фуллер, С. В. Чугров и др.);

– когнитивной лингвистике, в частности концепции понимания как интерпретирующей деятельности (Н. Н. Болдырев, В. З. Демьянков); принципам функционализма и когнитивизма (А. А. Кибрик, В. А. Плунгян, А. Ченки и др.); когнитивному моделированию (P. N. Johnson-Laird, G. Lakoff, А. Г. Баранов, Т. А. ван Дейк, В. Кинч); интерпретации психологической теории прототипов (Н. Н. Болдырев, А. Вежбицкая, Т. Е. Литвиненко, А. Л. Шарандин); когнитивным исследованиям текста и дискурса (Е. Г. Беляевская, Л. О. Бутакова, Т. А. ван Дейк, Е. С. Кубрякова, Н. А. Мишанкина, В. Е. Чернявская и др.);

– лингвистике текста и лингвистическому анализу текста (R.-A. de Beaugrande, W. Dressler, Н. Ф. Алефиренко, Л. Г. Бабенко, Н. С. Болотнова, Р. Водак, Я. Галло, И. Р. Гальперин, С. И. Гиндин, М. Я. Дымарский, В. А. Лукин, О. А. Нечаева, Т. М. Николаева, А. И. Новиков, К. А. Рогова, З. Я. Тураева, К. А. Филиппов и др.);

– медиалингвистике и медиадискурсологии (Е. Н. Басовская, Т. А. Воронцова, Т. Г. Добросклонская, Л. Р. Дускаева, О. С. Иссерс, М. Ю. Казак, В. И. Карасик, Н. И. Клушина, В. И. Коньков, А. В. Полонский, Г. Я. Солганик, В. В. Хорольский, Т. В. Чернышова и др.);

– прагматике и собственно лингвистической прагматике (Н. Р. Grice, G. N. Leech, J. Verschueren, Ю. Д. Апресян, Н. Д. Арутюнова, М. Б. Бергельсон, А. Е. Кибрик, Дж. Л. Остин, Е. В. Падучева, Дж. Р. Серль, Р. С. Столнейкер, И. П. Сусов, М. К. Тимофеева, Д. Франк, М. А. Шелякин и др.);

– психолингвистическому моделированию речемыслительного процесса (Т. В. Ахутина, А. А. Залевская, И. А. Зимняя, А. А. Леонтьев, А. Р. Лурия и др.);

– теории коммуникации (J. Fiske, Э. Гриффин, В. Ф. Иванов, В. Б. Кашкин, В. П. Москвин и др.), в том числе моделированию коммуникации (Н. D. Lasswell, Т. М. Newcomb, С. Е. Shannon, W. Weaver, N. Wiener, Б. Ю. Городецкий, Е. В. Сидоров, Р. Якобсон и др.);

– теории речевого воздействия (А. Н. Баранов, Р. М. Блакар, А. В. Голоднов, М. Р. Желтухина, О. С. Иссерс, П. А. Катышев, Г. А. Копнина, Н. Н. Кошкарлова, С. Л. Кушнерук, А. А. Леонтьев, П. Б. Паршин, Н. Б. Руженцева, А. П. Сковородников, И. А. Стернин, А. П. Чудинов, Е. В. Шелестюк и др.).

Методология исследования обусловлена интегративной сущностью риторики декодирования, сформированной в русле гуманитарной научной традиции кумуляции и реинтерпретации методологических знаний. Поэтому следует выделить базовые методологические источники риторики декодирования, создающие систему ее эвристик.

1. Источником идеи декодирования и рецептивного подхода выступает стилистика декодирования, или стилистика восприятия (M. Riffaterre, И. В. Арнольд, Ю. С. Степанов), которая акцентирует внимание на воздействующем эффекте,

производимом художественным текстом. Стилистика декодирования ставит своей целью выявление идейных и эстетических ценностей литературного произведения с опорой на лингвистические наблюдения. Риторика декодирования абсолютизирует текстообразование как ключ к смыслообразованию.

2. Построение модели РДТ реализуется в соответствии с разработанными в области интеллектуального анализа текста (текст-майнинга) требованиями к дизайну исследования, определяющими его тип, уровни и режим анализа, выбор данных, логику вывода (Г. Игнатов, Р. Михальча).

3. Методология риторики декодирования базируется на эмпирико-теоретических принципах психолингвистики, постулирующих относительную изоморфность и взаимонаправленность процессов порождения текста и его восприятия (А. А. Леонтьев, Л. О. Бутакова).

4. Когнитивно-коммуникативные основания риторики декодирования выстраиваются вокруг понятия риторического текстотипа как ментального образца, воплощающего идею текстовой эффективности. Возможность актуализации данного понятия предопределена опытом психологических, психолингвистических, когнитивных исследований в области моделирования ориентирующих текстопорождающих структур (А. Г. Баранов, Н. А. Бернштейн, Н. Н. Болдырев, П. Я. Гальперин, Е. С. Кубрякова, А. А. Леонтьев, В. Е. Чернявская). Обращение к теории планомерного (поэтапного) формирования умственных действий и понятий (П. Я. Гальперин, А. В. Запорожец, А. И. Подольский и др.) объективирует психологические механизмы кодирования, знания о которых позволяют осуществлять декодирование.

5. Методологическим стержнем исследования, организующим РДТ, выступает задающий систему стратегий текстообразования классический риторический канон, переосмысленный в неориторическом ключе в работах А. К. Авеличева, Р. Барта, Н. А. Безменовой, А. А. Ворожбитовой, Е. В. Ключева, А. П. Сковородникова, В. И. Тюпы. Кроме того, в формировании декодирующих процедур учитываются положения лингвосомиотической теории Р. Якобсона, опыт грамматики текста в изучении текстообразования.

6. Трансформацию риторического плана исследования в лингвистический обеспечивают труды в области функционально-коммуникативного синтаксиса Г. А. Золотовой, Н. К. Онипенко, М. Ю. Сидоровой; комплексные семантические, грамматические и лингвопрагматические исследования языковой картины мира Т. В. Булыгиной, Б. Ю. Нормана, Е. В. Падучевой, А. Д. Шмелева.

7. Анализ аргументационной специфики медиатекстов основывается на трудах Х. Перельмана и Л. Олбрехт-Тытеки, в значительной степени на теоретических воззрениях нидерландской школы теории аргументации, представленной работами Ф. Х. ван Еемемена и Р. Гроотендорста, А. Ф. Снук Хенкеманс, М. А. ван Рееса, П. Хоутлоссера, на классификации аргументации А. А. Ивина.

8. Экспериментальная компонента РДТ формируется путем анализа опыта лингвистической экспертизы текста П. А. Катышева и М. А. Осадчего, практики оценки текстовой эффективности Л. В. Уховой, прикладных разработок в сфере управления экономическими рисками.

Методы исследования актуализируются в работе в соответствии с логикой предложенной модели РДТ, следующей принципу дисциплинарной интеграции. На пререконструкционном этапе РДТ для обоснования феномена риторического текстотипа и его параметризации использованы методы когнитивного и коммуникативного моделирования; для описания семиотической природы риторического текстотипа и знаковой ситуации декодирования – семиотическое моделирование. Текстовый этап РДТ демонстрирует применение лингвориторической реконструкции текстообразования – ведущего метода исследования. Содержание метода основано на лингвопрагматической матрице, определяющей систему тактико-стратегических ориентиров декодирования. Зонтичная специфика метода позволяет использовать для выявления репрезентантов риторических тактик широкий спектр известных методов и методик: риторический анализ текста; семантический анализ, осуществляемый в том числе с помощью специализированных электронных онлайн-сервисов; коммуникативно-прагматический анализ; структурно-композиционный анализ, включающий методики членения (декомпозиции) текста; метод реконструкции аргументации; элементы дискурсивного анализа; процедуры контекстуального, лингвостилистического и лингвоаксиологического анализа; элементы контент-анализа. Контекстуальный этап РДТ связан с использованием метода интерпретации, результативность которого подкрепляется процедурами интен-анализа. На верифицирующем этапе РДТ реализуется метод эксперимента, сопрягающий качественные и количественные операциональные инструменты, включая статистический анализ данных, осуществляемый функциями программы Microsoft Excel. На разных этапах работы привлекается описательно-аналитический метод, включающий приемы сопоставления, обобщения, систематизации, классификации.

Положения, выносимые на защиту

1. Социокультурный контекст современности, характеризующийся стремительно меняющейся информационно-коммуникационной картиной мира, актуализирует и глобализирует проблемы понимания текста и оценки его эффективности, что требует их нового научного осмысления. Помимо внешних факторов, формированию риторики декодирования способствует научный гуманитарный контекст, демонстрирующий разноплановый опыт решения указанных проблем. Научные предпосылки риторики декодирования представлены иерархически организованными и взаимосвязанными методологическими уровнями: философским, лингвистическим и собственно риторическим.

2. Риторическое декодирование текста – сформированный в русле интегративного подхода комплекс исследовательских процедур, объективирующих механизмы риторического текстообразования и диагностирующих их эффективность. РДТ представлено как имитационная исследовательская модель, включающая следующие уровни, или этапы: пререконструкционный, обосновывающий феномен риторического текстотипа; текстовый, реконструирующий механизмы текстообразования; контекстуальный, интерпретирующий результаты предыдущего; верифицирующий, направленный

на диагностику текстовой эффективности экспериментальным путем. Каждый этап модели РДТ определяют цель, метод и операциональная единица.

3. Когнитивно-коммуникативная сущность РДТ состоит в распознавании в тексте публичной/массовой коммуникации риторического текстотипа – ориентировочной основы текстообразующих действий, ментального образца эффективного текста, задающего систему параметров риторичности: акциональность, актуальность, аргументированность как основание персуазивности, публичность, диалогичность, которые являются следствием осознанности – макропараметра риторической текстуальности. Риторический текстотип – результат вторичного прототипирования, сформированный моделью коммуникативного контекста продуцента, программируемой в свою очередь представлениями о коммуникативном акте.

4. Семиотическая природа риторического текстотипа обусловлена тремя измерениями семиозиса – семантическим, синтактическим и прагматическим, что получает отражение в риторическом текстообразовании. Риторический текстотип в практике декодирования обладает способностью представлять знаки другого кода-объекта, что позволяет признать его метасемиотическим конструктом, или метакодом, а риторическое декодирование процессом метасемиотическим.

5. Лингвопрагматические основания концепции складываются путем реинтерпретации структуры и содержания риторического канона и связаны с формированием тактико-стратегической матрицы риторического декодирования, которая является базисом для разработки ведущего метода исследования – лингвориторической реконструкции текстообразования (далее ЛРТ. – Л. М.), реализующего принципы телеологичности, уровневости, компонентности, селективности, комбинаторности. Определение корреляционной валидности ЛРТ осуществляется путем обращения к опыту психолингвистического моделирования речемыслительной деятельности. Методологическая сущность ЛРТ состоит в последовательном обнаружении и идентификации репрезентантов риторичности, задаваемых инвентивной, диспозитивной и элокутивной стратегиями текстообразования и составляющими их тактиками и субтактиками. Процедуры ЛРТ характеризуются гибкостью и адаптивностью к конкретным исследовательским задачам: они могут быть применены к отдельным текстообразующим явлениям. Ценность ЛРТ состоит в ее органической возможности сочетаться с интерпретационным методом, обеспечивающим выход за пределы текста в экстралингвистический контекст.

6. Лингвориторическая реконструкция инвентивной стратегии текстообразования есть аналитическое восстановление системы тактик объективации целеполагания, тематизации, проблематизации, предъявления тезиса, в значительной степени определяющих семантический потенциал текста и такие его параметры, как акциональность и актуальность. ЛРТ таким образом разрешает существующую проблему неупорядоченности исследовательских процедур инвенции, обусловленную особой природой этого этапа текстообразования, непосредственно связанного с затекстовой реальностью.

7. Лингвориторическая реконструкция диспозитивной стратегии текстообразования есть поиск ресурсов воплощения тактик и субтактик базового, аргументационного и суперструктурного композиционирования, определяющих синтактический потенциал текста и в значительной мере его персуазивность. Поскольку условием эффективного текстообразования признается поликомпозиционность, то анализ диспозитивной организации текста осуществляется в разных аспектах – структурно-семантическом, аргументационном, формально-прагматическом. Результатом полиаспектной реконструкции становится репрезентация смыслообразования как процесса поглощения одной текстоформирующей единицы (базового уровня) другой (более высокого) в направлении: коммуникативный регистр речи как строевая единица текста → аргументационный комплекс → суперструктура текста.

8. Лингвориторическая реконструкция элокутивной стратегии текстообразования есть анализ механизмов вербализации тактик аксиологической экспликации, риторической триггеризации, авторизации, адресации, связанных с формированием прагматического потенциала текста и объективирующих такие параметры риторической текстотипичности, как публичность и диалогичность.

9. Субтеория риторических рисков есть подтверждение практико-ориентированного характера РДТ. Выявленные зоны риторических рисков и соответствующие рискоформирующие индикаторы позволяют делать заключения не только о речекоммуникативном качестве текста, но и об интенциональности говорящего, а также о лакунах в его модели коммуникативного контекста.

10. Методика риторического диагностирования текста, сопрягающая качественные и количественные ресурсы, валидирует результаты аналитической практики ЛРТ и демонстрирует потенциал риторики декодирования в области прикладных исследований.

Научная новизна диссертационного исследования состоит в разработке целостной концептуальной модели и теоретических оснований риторики декодирования. Впервые в рамках неориторической концепции сопрягаются собственно риторические, когнитивно-коммуникативные, семиотические, лингвопрагматические основания, позволяющие многомерно представить текстообразование как сложный динамический процесс, обеспечивающий метапонимание. Предложены понятие *риторического текстотипа* и система его параметров, что вводит в риторическую теорию когнитивную компоненту, в рамках которой впервые моделируется процесс вторичного прототипирования. В работе обоснован *новый метод – лингвориторическая реконструкция текстообразования*: установлены его принципы, единицы анализа, границы применения, описано содержание. Определены и систематизированы инструменты реконструкции инвентивной стратегии текстообразования. В рамках гибкой синтетической структуры ЛРТ разработаны *новые декодирующие процедуры*: тематическая идентификация, техника идентификации проблемы, методика реконструкции аргументационного композиционирования, методика реконструкции суперструктурного композиционирования. В ходе диспозитивной реконструкции выявлены и описаны устойчивые комбинации единиц текстообразования, а также

регистровые варианты, характерные для текстов массовой коммуникации. Реализованный анализ риторической триггеризации обновляет сложившиеся подходы к описанию элокутивных ресурсов текста. Новизна работы заключается также в том, что интерпретация результатов лингвориторической реконструкции основывается на системе параметров риторической текстуальности, что позволяет оценивать воздействующий потенциал медиатекстов. Инновационной разработкой риторики декодирования является *субтеория риторических рисков*. Кроме того, предложена и реализована экспериментальная *методика риторического диагностирования*, включающая качественные и количественные инструменты измерения риторичности медиатекста как основания его эффективности.

Теоретическая значимость диссертации заключается в развитии опыта исследований номотетического типа, в которых ведущую роль играет текстовый аналитический уровень исследования, сопрягаемый с уровнем контекстуальным. Настоящая работа расширяет методологический арсенал неориторики и лингвопрагматики, связывая алгоритмы текстопостроения с риторической параметризацией, объективирующей идею текстовой эффективности. Данное исследование углубляет когнитивно-коммуникативные, структурно-композиционные и аргументационные аспекты теории медиатекстуальности. ЛРТ, вскрывающая механизмы сверхфразовой организации медиатекста, обогащает эмпирическую базу лингвистики текста и функционально-коммуникативного синтаксиса практикой анализа нехудожественных текстов. Результаты изучения риторической триггеризации дополняют имеющиеся представления о функциональных возможностях средств речевой выразительности. Настоящая работа расширяет терминологический аппарат неориторики, теории речевого воздействия и медиалингвистики. Кроме того, диссертация развивает опыт сформированного в последнее десятилетие полигуманитарного блока исследований, активно эксплуатирующих идею параметризации изучаемого объекта. В концептуальной проблеме декодирования, связанной с процессами понимания и интерпретации, заложен потенциал дальнейшей методологической оптимизации.

Практическая значимость исследования определяется необходимостью формирования риторического мышления и риторической идеологии, культивирующей принцип осознанного текстообразования, экологичный подход к созданию текстов, их функционированию и потреблению. Результаты исследования могут быть использованы в практике преподавания высшей школы таких дисциплин, как «Риторика», «Теория речевой коммуникации», «Теория текста», «Дискурсивный анализ», «Семиотика», «Когнитивная лингвистика», «Лингвистическая прагматика», «История и методология науки», «Основы теории журналистской деятельности», в спецкурсах и практикумах по анализу медиатекста. Возможно применение результатов исследования в ходе реализации программ дополнительного образования, нацеленных на формирование профессиональной текстовой компетентности и медиаграмотности, на обучение технологиям углубленного чтения, техникам креативного письма. Представляется продуктивным использовать результаты диссертации в медиадеятельности, связанной как непосредственно с созданием текстов разных типов и жанров, так и с измерением их

эффективности. Прикладное значение исследования заключается и в возможности применения его отдельных методик в лингвистической экспертизе текста.

Обоснованность полученных результатов и их достоверность обеспечиваются использованием фундаментальных научных трудов отечественных и зарубежных ученых, применением зарекомендовавших себя методов исследования, широкой эмпирической базой работы и репрезентативностью полученных данных, пролонгированным характером самого исследования, обусловившим возможность регулярной промежуточной верификации предложенных теоретических, аналитических и экспериментальных разработок, результатами многолетней апробации исследования.

Апробация работы. Основные положения и результаты диссертационного исследования представлены в форме докладов и сообщений и обсуждены на многочисленных научных мероприятиях разного уровня, в том числе: VIII Конгрессе РОПРЯЛ «Динамика языковых и культурных процессов в современной России» (Красноярск, СФУ, 2024); VIII и X Международных конгрессах по когнитивной лингвистике (Москва, МГУ, 2018; Екатеринбург, УрГПУ, 2020) и Всероссийских конференциях с международным участием по когнитивной лингвистике, проводимых Российской ассоциацией лингвистов-когнитологов (Новосибирск, НГТУ, 2022; Тамбов, ТГУ им. Г. Р. Державина, 2023); XIX, XX, XXIII, XXVI Международных научных и научно-практических конференциях по риторике, инициированных Российской ассоциацией исследователей, преподавателей и учителей риторики (Рязань, РГУ им. С. А. Есенина, 2015; Москва, МПГУ, 2016; Москва, МГЛУ, 2020, 2023); II и VI Международных научно-практических конференциях «Язык в координатах массмедиа» и форумах «Медиа в современном мире» (Санкт-Петербург, СПбГУ, 2016, 2017, 2020, 2022); XI, XII, XIV Международных научно-практических конференциях «Коммуникативная культура: история и современность» (Новосибирск, НГУ, 2021, 2022, 2024); I и II Международных форумах языков и культур (Красноярск, СФУ, 2016, 2021); XIX Международном симпозиуме по психолингвистике и теории коммуникации (Москва, РУДН, Институт языкознания РАН, 2019); XIX Международных Березинских чтениях «Языковое бытие человека и этноса» (Москва, МГЛУ, ИНИОН РАН, 2022); Международной научной конференции «Пространства коммуникации: язык, литература, медиа» (Иркутск, ИГУ, 2018); II Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Новейшая филология: динамика речевых и текстовых форм» (Омск, ОмГУ им. Ф. М. Достоевского, 2022); XIV Международном конгрессе МАПРЯЛ «Русское слово в многоязычном мире» (Казахстан, Нур-Султан, 2019); Международной научной конференции «Актуальные проблемы обучения русскому языку XIII» (Чешская Республика, Брно, Университет им. Т. Г. Масарика, 2018); Международной научной конференции «Стилистика: язык, речь и текст» (Республика Беларусь, Минск, БГУ, 2017); VI Международной научной конференции «Современные проблемы славянской филологии: гуманитарные ценности в славянских языках и культурах» (Китайская республика (Тайвань),

Тайбэй, Чжэнчжи, 2015); Международной научной конференции «Экология родного языка и культуры» (Эстония, Таллин, Таллинский университет, 2015) и других.

Отдельные этапы исследования и его результаты обсуждались на научных семинарах и заседаниях кафедры филологии факультета гуманитарного образования Новосибирского государственного технического университета (НГТУ), на научных мероприятиях, проводимых Институтом филологии и языковой коммуникации Сибирского федерального университета.

Результаты исследования уже внедрены в практику преподавания студентам-филологам факультета гуманитарного образования НГТУ таких дисциплин, как «Риторика», «Теория текста», «Филологическая теория коммуникации», использованы в работе лингвистических научно-исследовательских семинаров. Кроме того, некоторые материалы диссертации включены в содержание дополнительной профессиональной программы «Управление талантами», реализованной на факультете повышения квалификации НГТУ.

По теме диссертационного исследования опубликованы 54 научные работы, в том числе 22 статьи в журналах, включенных в Перечень рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК РФ для публикации результатов диссертационных исследований, из них 20 статей в журналах из Перечня ВАК РФ по специальности 5.9.8, в том числе 7 статей в изданиях, индексируемых в наукометрических базах Scopus и Web of Science, 4 главы в коллективных монографиях.

Структура работы отражает последовательное развитие концепции риторики декодирования и включает введение, четыре главы, состоящие из 17 параграфов, заключение, список сокращений и условных обозначений, список литературы (758 наименований), список источников эмпирического материала, приложения. Результаты работы иллюстрируют 26 таблиц и 20 рисунков.

Приложения (А–Г) содержат примеры текстов-стимулов, полученных в результате расшифровки видео, которые послужили экспериментальным материалом исследования (А); образцы заполненных диагностических карт (Б); сводные таблицы, демонстрирующие количественные данные эксперимента (В); список рисунков и таблиц (Г). Общий объем диссертационного исследования составляет 552 страницы; объем основного текста – 442 страницы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается направление исследования и его актуальность, формулируются объект, предмет, цель и задачи, выдвигается гипотеза, осуществляется обзор теоретической и методологической базы работы, указываются методы исследования, определяются его научная новизна, теоретическая и практическая значимость, излагаются положения, выносимые на защиту.

Глава 1 «Концептуальное обоснование риторики декодирования» посвящена осмыслению социокультурного и научного контекстов становления предлагаемой концепции. Рассмотрены на трех иерархически организованных уровнях методологического построения предпосылки формирования риторики декодирования: философские, общенаучные, частные (А. А. Гируцкий). Определена

научно-методологическая сущность риторики декодирования.

В п. 1.1 «Социокультурный контекст риторики декодирования» в русле концепции информационного общества, развитой трудами Д. Белла, М. Кастельса, Т. Стоуньера, Э. Тоффлера и др., рассмотрены коммуникационные процессы современности, такие как интернетизация и медиатизация, которые из технологической компоненты коммуникативной культуры трансформируются в ее мировоззренческую составляющую. Они расширяют возможности приобретения знаний и реализации креативного потенциала человека, однако виртуализация бытия, часто искажая реальность, создает условия для появления феномена постправды как синдрома цифровой эпохи (И. Д. Тузовский, С. Фуллер, С. В. Чугров и др.). Автор работы приходит к выводу, что сложные отношения между информационно-коммуникационной технологической средой и человеком, перепроизводство информации, проблемы разграничения истинного и ложного ведут к снижению качества процессов понимания и обуславливают потребности в риторическом декодировании.

В п. 1.2 «Философские предпосылки формирования риторики декодирования» прослеживается, как становлению новой концепции способствует широчайший контекст – от Платона и Аристотеля до «философии будущего». Наследие Л. Витгенштейна и представителей лингвистической философии, труды Ч. Пирса, Дж. Дьюи, Ф. К. С. Шиллера создают условия для провозглашения во второй половине XX столетия главным идеологом неопрагматизма Р. Рорти лингвистического и риторического поворотов в философии. Последний связан с преодолением объективизма, утверждением интерпретативизма и присвоением риторике метадисциплинарного статуса. Истоки риторики декодирования обнаруживаются в трудах Ю. Хабермаса, признающего конституирующую роль языка в социальном взаимодействии, основанном на «морали равного уважения», и трактующего эффективность как достижение взаимопонимания. Корни риторики декодирования уходят и в философскую герменевтику, решающую поставленную Х.-Г. Гадамером задачу интерпретации как «преодоления чуждости текста». Интерпретация П. Рикёром текста как осмысленного действия открывает перспективы экстраполяции методов познания текста на социальную практику. Грамматиология Ж. Деррида утверждает деконструирование как способ преодоления языка-посредника на пути к смыслу текста.

Философское наследие обуславливает формирование базы идеологических установок и методологических допущений, значимых для риторики декодирования: движение исследовательской практики от объективизма к интерпретативизму; корреляция целеполаганий кодирующего и декодирующего; признание естественной природы говорения и понимания и их изоморфности; развитие идеи эффективности действия как риторичности текста; метадисциплинарность риторического знания; междисциплинарность как условие для решения задач риторического декодирования; актуализация образцов как ориентиров, обеспечивающих понимание и метапонимание текстов; деконструирование формы для реконструирования содержания. Таким образом, философия языка и философская герменевтика определяют векторы развития риторики декодирования, связанные с изучением

феноменов понимания и коммуникативно-речевой эффективности.

В п. 1.3 «**Общелингвистические предпосылки становления риторики декодирования**» описан лингвистический методологический контекст новой концепции. Обоснованы связи риторики декодирования с филологической и лингвистической герменевтикой, когнитивными исследованиями текста, лингвистикой текста, лингвистической прагматикой, теорией речевой коммуникации.

В ходе осмысления трансфера идей герменевтики за пределы собственных границ внимание уделяется теории методологического мышления (Г. П. Щедровицкий) и филологической герменевтике (Г. И. Богин), объектом которых выступают мышление, понимание и рефлексия. Герменевтика признается одним из интеллектуальных источников когнитивизма (В. З. Демьянков). Сделан обзор опыта психолингвистики в изучении понимания текста (Московская и Тверская школы, А. С. Штерн, В. А. Пищальникова, Л. О. Бутакова, Е. Н. Гуц и др.).

Когнитивная лингвистика предлагает риторике декодирования идею ментальной модели и когнитивного моделирования (Р. N. Johnson-Laird, G. Lakoff, Т. А. ван Дейк, В. Кинч), которая при экстраполяции на текст объективирует представления о прототипической (образцовой) текстуальности (Е. С. Кубрякова, Е. Г. Беляевская, В. Е. Чернявская). Важным для РДТ является и положение о регуляции понимания определенными стратегиями, которые признаются частью общего знания о самих процессах понимания (Т. А. ван Дейк, В. Кинч).

Лингвистика текста и риторика декодирования, объединенные текстообразованием как объектом изучения, сосуществуют в отношениях методологического тандема, обеспечивающего синтез риторической программы «трансформации мысли в слово» и лингвистической программы иерархизации единиц текстовой организации. Лингвистика текста предлагает риторике декодирования апробированный практикой анализа арсенал строевых единиц текста сверхпредложенческого уровня, а также базу наблюдений над комбинаторикой текстовых составляющих, обеспечивающих тексто- и смыслообразование (Н. Д. Бурвикова, М. Я. Дымарский, С. Г. Ильенко, Г. А. Золотова, А. Н. Карпов, О. И. Москальская, О. А. Нечаева, Н. С. Поспелов, К. А. Рогова и др.). Кроме того, лингвистика текста оказывается полезной риторике декодирования опытом выдвижения и обоснования параметров текстуальности, определяющих феноменологическую сущность текста (R.-A. de Beaugrande, W. Dressler, И. Р. Гальперин, Т. М. Николаева, А. И. Новиков, З. Я. Тураева и др.).

Лингвистическая прагматика и риторика декодирования разделяют деятельностьный принцип, связанный с эффективным употреблением языка в различных контекстах осуществления речевой деятельности. Философия «*language in use*» находит отражение в идее перформативности, инициированной теорией речевых актов, которую риторика декодирования экстраполирует на текст. Кроме того, лингвистическую прагматику и риторику декодирования объединяет интерес к проявлению в речи субъективности (Э. Бенвенист), или эгоцентризма говорящего (Б. Ю. Норман, Е. В. Падучева). Другой значимый для риторики декодирования

опыт лингвопрагматики связан с практикой тактико-стратегического моделирования речекоммуникативного процесса.

Теория коммуникации делится с риторикой декодирования богатым опытом коммуникативного моделирования (от К. Э. Шеннона до Е. В. Сидорова), что позволяет рассматривать модель коммуникации/коммуникативного акта в качестве источника параметризации текста особого типа – риторического.

Таким образом, направления-доноры создают условия для методологической конвергенции, способствующей становлению новой концепции.

В п. 1.4 «Собственно риторические предпосылки формирования концепции» описан частнометодологический контекст риторики декодирования. С опорой на историографические исследования отмечается роль риторики в развитии антропоцентризма как ведущего принципа современного лингвистического мировоззрения. Особое внимание уделено способности риторики к дисциплинарной интеграции.

Классическая риторика выступает для предложенной концепции, во-первых, идеологическим ресурсом, культивирующим представления о деятельностном характере мыслеречевой практики и речевого воздействия, которые объективированы в категориях пафоса, этоса, логоса и законах речи; во-вторых, методологическим источником, позволяющим эксплуатировать технологию риторического канона в декодировании.

Обоснование онтологического статуса риторики декодирования связано с определением ее места в разветвленной дисциплинарной схеме. Проведенный обзор неориторических направлений и концепций позволяет сделать вывод о том, что пространство исследовательских интересов риторики декодирования граничит с теорией аргументации, риторической критикой, лингвориторикой и медиариторикой, а также с литературной риторикой в связи с решением задачи выявления орнаменталистских ресурсов. Представленный в работах Э. В. Будаева, П. А. Катышева, В. В. Смолененковой опыт описания риторической критики позволяет сопоставить ее с риторикой декодирования. Их объединяют общий интерес к воздействию потенциалу текста, следование поисковому вектору «от слова к мысли» и характер субъекта аналитико-интерпретативной деятельности. Однако они имеют разные генетические источники, сохраняют специфичность своей объектно-предметной области, демонстрируют как собственную методологическую приверженность, так и разную комбинаторность общих методов исследования.

В п. 1.5 «Риторика декодирования: проблемная ситуация, понятие, объект» определено объектно-предметное поле предлагаемой концепции.

Проблемная ситуация, способствующая формированию риторики декодирования, обусловлена факторами теоретического и практического характера. *Теоретическая проблема* видится в смене концептуально-идеологического вектора современных риторических изысканий: от адресанта к адресату, от продуцирования к рецепции, от синтеза к анализу, что требует обновления методологического инструментария. *Практическую проблему* в ситуации глобальной медиатизации автор усматривает в наблюдаемой одномерности массового сознания, в отсутствии алгоритмов ориентации в потоках массовой информации, в угасании навыков

понимания и рефлексии. Именно поэтому РДТ осуществляется преимущественно на материале медиатекстов, выявление текстообразующего замысла которых есть демонстрация процедур, способных в той или иной степени активировать критическое мышление в условиях всесилья СМИ.

Риторика декодирования – основанная на филологическом теоретико-методологическом фундаменте риторико-лингвистическая концепция, посвященная изучению феномена риторического текстообразования и системной разработке аналитических процедур, объективирующих механизмы создания текстов и диагностирующих их коммуникативно-речевую эффективность/неэффективность. *Цель* риторики декодирования – лингвориторическая реконструкция текстообразующего замысла продуцента. *Объектом* риторики декодирования выступает текстообразующий замысел субъекта речи, так или иначе реализованный в тексте и рассматриваемый в аспекте коммуникативно-речевой эффективности. *Предметом* – аналитические процедуры реконструирования и диагностики текстообразующего замысла, выявляющие способы и средства репрезентации риторических стратегий и тактик текстопостроения, манифестирующих идею риторической текстуальности.

Сложившееся представление о проблемной ситуации, наличие объекта и предмета изучения, понятийного аппарата, собственного метода исследования, видение границ его применения свидетельствуют о сформированности онтологического статуса риторики декодирования.

Глава 2 «Теоретический базис и методологический арсенал риторики декодирования» представляет основания новой концепции: когнитивно-коммуникативные, семиотические, лингвопрагматические. Описан ведущий метод – лингвориторическая реконструкция текстообразования. Разработана модель РДТ.

В п. 2.1 «Когнитивно-коммуникативные основания риторики декодирования» обосновано понятие *риторического текстотипа* – когнитивной структуры, аккумулирующей знания о параметрах текстовой эффективности; абстрагированного от конкретного жанрового воплощения ментального текстового образца, актуализирующего представления о риторической текстуальности, закрепленные в риторическом каноне как макротехнологии эффективного текстообразования. Именно риторический текстотип и есть тот «эталонный репрезентант» (А. В. Бондарко), которым в идеале руководствуется продуцент как алгоритмом текстопостроения и который эксплуатирует декодирующий как инструментальный «распаковки» текстообразующих процедур.

Идея текста-образца уходит корнями в психологические, психолингвистические, когнитивные исследования Н. А. Бернштейна, П. Я. Гальперина, А. А. Леонтьева, Е. С. Кубряковой, Н. Н. Болдырева; в функционально-прагматическую концепцию текста А. Г. Баранова; в теорию планирования текста Р. Водак; получает развитие в работах Н. С. Болотновой и М. Я. Дымарского, связанных с определением сущности текстовой нормы.

Источником теоретических оснований и одновременно верификатором концептуальных положений риторики декодирования становится теория планомерного (поэтапного) формирования умственных действий и понятий,

объектом изучения которой является ориентировочная деятельность субъекта (П. Я. Гальперин, Н. С. Пантина, А. В. Запорожец и др.). Риторика декодирования переосмысливает такие понятия данной теории, как автоматические и активные действия, ориентировочная основа действия (ООД), условия действия, а также уровни ориентировочной деятельности, и экстраполирует их в качестве когнитивных универсалий на свой понятийно-методологический аппарат. Так, в функции ООД выступает именно риторический текстотип как когнитивная структура, формирующая образ эффективного текста и отвечающая за его качество. Когнитивным коррелятом условий действия, отражающихся в ООД, является модель коммуникативного контекста. Кроме того, продуктивным представляется различение уровней ориентировочной деятельности (А. Г. Лидерс, Ю. И. Фролов), задающих векторы декодирования – стратегический, тактический, оперативный.

Когнитивный статус риторического текстотипа определяется в фокусе дихотомии ментальных сущностей «прототип – инвариант», организующих познание окружающего мира. Когнитивная природа риторического текстотипа обусловлена его функциями – онтологической и гносеологической, сопряженными с практиками кодирования и декодирования. Автор приходит к выводу, что в текстообразующей деятельности риторический текстотип используется в качестве прототипа, обеспечивающего построение риторического текста; в практике реконструкции текстообразования – в качестве инварианта, направляющего и организующего аналитическую деятельность декодирующего.

Краеугольным камнем РДТ выступает положение о мотивированности параметров риторического текстотипа коммуникативным контекстом. Обусловленность риторического текстотипа моделью коммуникативного контекста связана с активацией *механизма вторичного прототипирования*: первичным прототипическим основанием коммуникативной ситуации выступает коммуникативный акт, который закладывает фундамент контекстной модели, определяющей в свою очередь параметрическую специфику риторического текстотипа как вторичной текстообразующей структуры.

В поисках операциональной модели коммуникации/коммуникативного акта риторика декодирования обращается к теоретико-прикладным разработкам Б. Ю. Городецкого. Его модель включает целевую детерминанту коммуникативного акта, что свидетельствует о телеологическом подходе к пониманию феномена коммуникации. Структура и содержание данной модели отражают изоморфные процессы кодирования и декодирования, сигнализирующие о возможности обратной связи, а также учитывают контекст общения.

Установлены корреляции между составляющими коммуникативного акта и параметрами риторической текстуальности: 1) коммуниканты / авторство и адресность, как следствие – диалогичность; 2) практическая цель / акциональность как потенциальная способность к изменению фрагмента действительности; 3) коммуникативная цель / аргументированность, как следствие – персуазивность; 4) обстоятельства общения / публичность; 5) процессы вербализации и понимания / ориентация на актуальность предмета речи для реципиента; 6) коммуникативный текст / осознанность текстообразования (рис. 1). Последний критерий относится

к метауровню параметризации, связанному с рефлексией адресанта над текстообразующей деятельностью и ее качеством.

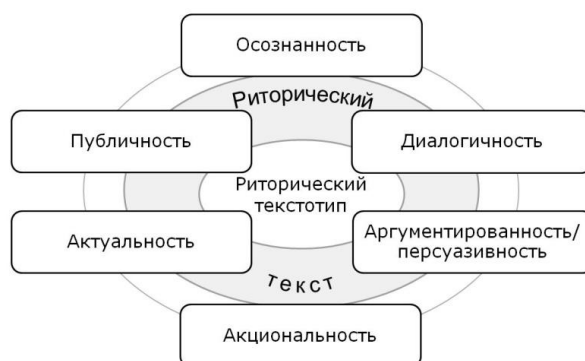

Рисунок 1 – Система параметров риторической текстуальности

Предложенная система параметров отражает специфику риторического текста как осознанной, технологически регулируемой вербальной сущности, в которой каждый компонент структуры коммуникативного акта получает языковое воплощение. Риторический текстотип рассматривается в качестве прототипа, наделяющего медиатекст перлокутивно-персуазивными свойствами.

В п. 2.2 «Семиотические основания риторики декодирования» риторический текстотип осмысливается как код, обеспечивающий кодирующему возможность создания эффективного текста, и как метакод, позволяющий реконструировать механизмы текстообразования.

Семантическое, синтактическое и прагматическое измерения семиозиса (Ч. У. Моррис) определяют как специфику риторического кодирования, основанного на технологической триаде инвенции, диспозиции и элокуции, так и декодирования, воспроизводящего текстопроизводство.

Знаковая ситуация риторического декодирования, моделируемая с опорой на семиотические теории Ч. Пирса и Ч. Морриса, включает в качестве *объекта* текст, стимулирующий поисковую деятельность декодирующего к обнаружению экспликаторов риторического текстотипа и диагностированию риторичности. В качестве *репрезентатива* рассматривается риторический текстотип. *Интерпретанта* связывается с параметрами риторичности объекта как залога его эффективности. Кроме того, стандартная знаковая ситуация расширяется путем встраивания в нее таких конституентов, как *интерпретатор* и *коммуникативный контекст*, что обуславливает метасемиотический характер РДТ как аналитического процесса.

В п. 2.3 «Лингвопрагматические основания риторики декодирования» осуществлен обзор лингвистического опыта применения такой аналитической единицы, как стратегия (Т. В. Артемова и П. А. Катышев, А. В. Голоднов, Т. А. ван Дейк и В. Кинч, О. К. Ирисханова, О. С. Иссерс, В. Б. Кашкин, М. Л. Макаров, Н. В. Максимова, А. А. Романов, С. А. Сухих, В. И. Тюпа, И. П. Хурыз, Е. И. Шейгал, Т. Е. Янко и др.).

Операциональным понятием настоящего исследования выступает *риторическая стратегия текстообразования* – программа по реализации

процедуры текстопроизводства, отвечающая за текстовую эффективность и создающая условия для успешной реализации коммуникативной стратегии говорящего. Интерпретация технологических процедур создания текста, связанных с этапами риторического канона, позволяет выдвинуть инвентивную, диспозитивную и элокутивную стратегии и определить их тактическое воплощение. Риторические стратегии и соответствующие им риторические тактики формируют *лингвопрагматическую матрицу*. Ее исследовательская корректность обеспечивается признанием того, что говорящий/пишущий, способный к оперированию риторическими стратегиями и тактиками, – языковая личность, имеющая регулярную, часто профессиональную, практику создания текстов. Разработанная матрица характеризуется достаточно жестким структурированием множества объектов и является основанием ЛРТ.

В п. 2.4 «Лингвориторическая реконструкция текстообразования как ведущий метод риторики декодирования» в первую очередь реализована диагностика методологического состояния современной риторики: отмечены «слабая отрефлексированность риторического метода» (А. А. Чувакин), сложность исчерпывающего описания рациональных методов изучения речевого воздействия (П. А. Катышев), а также дискурсивный потенциал риторической методологии (Ю. Н. Варзонин, Г. Г. Хазагеров). Рассмотрены притязания риторики на метод моделирования (И. В. Анненкова). Переосмыслен метод риторического анализа, описанный О. А. Леонтович в монографии «Методы коммуникативных исследований» (2011). Сложившаяся методологическая ситуация обосновывает право риторики декодирования на собственный метод.

ЛРТ есть поэтапная аналитическая процедура, вскрывающая механизмы текстообразования в свете риторической идеологии эффективности. Цель ЛРТ заключается в объективации текстообразующего кода продуцента путем восстановления риторических стратегий и их тактических конституентов, способы и средства репрезентации которых позволяют делать заключения о риторичности текста и выявлять риски текста, создающие угрозы его воздействующим возможностям. Обоснование ЛРТ также включает обзор теоретической базы метода, определение его принципов, описание содержательной специфики ЛРТ, рефлексию о критериях качества метода, а также указание областей его применения.

С целью верификации концептуальных оснований ЛРТ осуществлено обращение к психолингвистической теории речемыслительной деятельности. Критерием корреляционной валидности ЛРТ выступают соотношения, установленные между лингвопрагматической матрицей и психолингвистическими моделями/схемами речепорождения, разработанными А. А. Леонтьевым, Т. В. Ахутиной, А. А. Залевской, И. А. Зимней. Инвентивная стратегия в свете психолингвистической теории трактуется как мотивационно-побуждающая, диспозитивная как смыслоформирующая, элокутивная как стратегия формулирования, или вербализации. Общие психолингвистические тенденции моделирования речепроизводства экстраполированы на структуру и содержание риторического канона как методологическую основу ЛРТ. Например, многоуровневость продуцирования речи коррелирует с этапностью риторического

канона. Идеи уровневого синтаксирования (смысловое, семантическое, грамматическое) прослеживаются в поликомпозиционности риторического текста.

В п. 2.5 «Дизайн исследования и модель риторического декодирования текста» систематизированы теоретико-методологические основания предлагаемой концепции. *Дизайн исследования*, определяющий базовую архитектуру научного проекта, разработан согласно критериям, сформулированным специалистами в области интеллектуального анализа текста (Г. Игнатов, Р. Михальча). Преобладающий *тип исследования* риторики декодирования – номотетический. Облигаторные *уровни анализа* – текстовый и контекстуальный. *Режим анализа* обусловлен качественным характером метода ЛРТ; в верифицирующих целях используются количественные методы. *Выбор данных* определяется тем фактором, что ЛРТ применяется к текстам массовой коммуникации на основании априорности риторической компетентности автора текста. Риторическое декодирование ориентировано на работу с коллекциями документов (текстов). *Логика вывода* – преимущественно дедуктивная.

Сформированные теоретико-методологические основания обуславливают создание *модели риторического декодирования текста*, которая относится к конструктам исследовательского типа, имитирующим деятельность лингвиста. Структура модели РДТ представлена парадигмой этапов, демонстрирующих исследовательское движение от текста к контексту. В нее входят: *пререконструкционный* этап, состоящий из когнитивно-коммуникативного и семиотического подэтапов; *текстовый*, включающий подэтапы реконструкции инвентивной, диспозитивной и элокутивной стратегий; *контекстуальный* и *верифицирующий* этапы. Содержание каждого этапа/подэтапа определяют цель, метод и единицы анализа. Модель РДТ – способ презентации исследовательских возможностей риторики декодирования как концепции метапонимания.

Глава 3 «Риторическое декодирование медиатекста» демонстрирует последовательную реконструкцию механизмов языковой/речевой репрезентации стратегий текстообразования, расширяющую представления о медиатекстуальности. При этом автор реферируемой работы придерживается широкого понимания медиатекста как индивидуального или коллективного продукта мыслеречевой деятельности, целенаправленно создаваемого для размещения и функционирования в любых средствах массовой коммуникации.

В п. 3.1 «Лингвориторическая реконструкция инвентивной стратегии текстообразования» представлен инструментарий декодирования тактик объективации целеполагания, тематизации, проблематизации, предъявления тезиса, обеспечивающих акциональность и актуальность текста.

Реконструкция тактики объективации целеполагания, связанная с выявлением сигналов акциональности медиатекста, осуществляется контекстно-жанровым и собственно текстовым способами. В рамках последнего результативна речеактовая идентификация, выявляющая интенциональность говорящего путем интериоризации средств выражения перформативности. В качестве доказательного материала первого способа привлечены тексты Нобелевских лекций М. Шолохова, А. Солженицына, А. Сахарова, И. Бродского, Ж. Алфёрова, К. Новосёлова,

объективирующие понимание текста как «открытого поступка» (П. Рикёр). Для иллюстрации обоих способов использованы текст выступления Председателя Банка России Э. Набиуллиной по итогам заседания Совета директоров 28.02.2022, ряд текстов выступлений В. Путина (презентационная речь на 119-й сессии Международного олимпийского комитета в Гватемале, 04.07.2007; обращение к гражданам РФ в связи с пенсионной реформой, 29.08.2018) и др. В ходе речеактовой идентификации отмечена вариативность форм выражения иллюкутивной силы высказываний.

Реконструкция тактики тематизации, вскрывающая наряду с нижеприведенными тактиками механизмы создания актуальности текста, опирается на учет риторической таргетности медиатекста, а также на экстралингвистические факторы обусловленности темы общей социокультурной и/или коммуникативной ситуацией, а также типом дискурса/жанром. В рамках ЛРТ предложены следующие способы тематической идентификации медиатекстов: контекстно-ситуативный; дискурсивно-жанровый; топический; структурно ориентирующий; собственно текстовый, выявляющий функционирование тематических цепочек в тексте. Иллюстративным материалом здесь выступают тексты публицистов Г. Бовта, А. Мироновой, С. Шаргунова, Е. Янушевской и др.

Реконструкция тактики проблематизации осуществляется метамакроструктурным способом, учитывающим идеологию медиаиздания в области рубрикации текстов; структурно индуцированным способом, рассматривающим возможности проблематизации с помощью лида; текстовым способом в его эксплицитном и имплицитном воплощениях. Источники примеров – тексты журналистов издания «Коммерсантъ»: Д. Андриановой, П. Мотызлевской, С. Строканя. Привлекаются публицистические тексты С. Шаргунова, Н. Исаевой, а также тексты выступлений политика М. Мишустина, эколога О. Иванова и др.

Реконструкция тактики предъявления тезиса реализуется семантико-синтаксическим способом, определяющим пути тезирования – консервативный и творческий (Т. В. Анисимова, Е. Г. Гимпельсон). На тематически однородном материале выявлены соответствующие тезисы – 1) ортодоксальный и 2) парадоксальный:

1) *Коронавирус – это очередной вызов, который нужно реализовать с точки зрения снижения рисков от его присутствия* (Попова, 23.03.2020): классифицирующее суждение осложняется придаточной частью сложноподчиненного предложения, выражающей субъективную модальность как деонтическую необходимость, что формирует административное предписание;

2) *В борьбе с коронавирусом обнаружен новый центр силы – Федеральное медико-биологическое агентство* (Колесников, 01.03.2021): в суждении, тяготеющем к экзистенциальному, метафора центра силы, имеющая прецедентный характер, создает иронический эффект. Обозначенные пути эксплицитного тезирования позволяют установить корреляции между спецификой тезиса и типом адресанта (управленец, политик – журналист, публицист).

Для реконструкции имплицитного тезиса использован макропропозициональный подход Т. ван Дейка, предлагающий макроправила

извлечения макроинформации из текста: опущение, обобщение, построение. Эмпирическим материалом здесь выступает текст публициста С. Шаргунова «Оттолкнуться от дна» (16.05.2019). Реконструированный тезис представлен простым двукомпонентным предложением: *Закрытие школы – гибель села*.

В п. 3.2 «Лингвориторическая реконструкция диспозитивной стратегии текстообразования» осуществлен анализ способов и средств репрезентации тактик базового, аргументационного и суперструктурного композиционирования, в значительной степени определяющих персуазивный потенциал текста.

Реконструкция тактики базового композиционирования связана со структурно-семантическим аспектом изучения композиции, что требует выдвижения сверхфразовой строевой единицы текста. Переосмысленный опыт лингвистики текста позволяет использовать в качестве базового конституента композиционного построения и одновременно аналитической единицы обоснованный в концепции функционального синтаксиса Г. А. Золотовой коммуникативный регистр речи. Способность регистров речи вступать в парадигматические и синтагматические отношения становится основанием для выделения соответствующих субтактик ЛРТ – селекции строевых единиц текста и их комбинаторики. Использование этих процедурных инструментов оказалось необходимым для углубления представлений о механизмах текстообразования.

В качестве иллюстративного материала субтактик селекции и комбинаторики использованы тексты различных медиадискурсов: публицистического (авторы И. Антонова, Ю. Арабов, А. Битов, Г. Бовт, Е. Гениева, З. Лобанова, А. Миронова, В. Познер, А. Сокуров С. Шаргунов, Е. Янушевская и др.), научно-популярного (Ж. Алфёров, М. Гельфанд, Т. Черниговская), религиозного (Патриарх Алексей, протоиерей Артемий Владимиров, отец Алексей Уминский), политического (В. Жириновский), медицинского просветительского (Д. Проценко), мотивационного (И. Хакамада) и др.

Результатом реконструирования субтактики селекции является установленный регистровый состав медиатекстов. Отмечено доминирование в структуре медиатекстов информативного регистра речи, что связано с потребностью активации содержательно-фактуальной информации. Демонстрация знания и опыта говорящего осуществляется в первую очередь глаголами прошедшего времени, реализующими весь спектр текстовых функций – имперфективных, перфективных, аористивных. Описаны случаи актуализации данных функций предикатами настоящего времени. Исследована вариативность информативного регистра в медиатекстах: выделен, например, информативно-проспективный подрегистр. Он связан со сферой прогностики, эксплицирует гипотетические сценарии развития положения дел, что сопряжено с активацией средств выражения модальности возможности, а также глагольных форм будущего времени: *Среднестатистическая семья, созданная в 18 лет, вряд ли сможет полностью за свои деньги купить запас хлеба, молока, масла и гречки на месяц, не то что снять квартиру. <...> И в 20 лет они не смогут купить квартиру. И в 23 тоже, если родители им не помогут <...>* (Лобанова, 17.03.2024).

Востребован в медиатекстах и генеритивный регистр речи, демонстрирующий способность говорящего к обобщению и абстрагированию; он выступает индикатором авторской рефлексии и эксплицирует содержательно-концептуальную информацию. Репродуктивный регистр не частотен: он реализуется в медиатекстах, когда субъект речи воспроизводит текущую коммуникативную ситуацию, в том числе свои действия и/или эмоциональное состояние. Периодически функционируют в медиатекстах и диалогические регистры – реактивный и волюнтивный, а также контаминированные типы речи – регистровые варианты, совмещающие дифференциальные признаки основных коммуникативных регистров. Отмечены случаи реализации регистрового варианта, определенного нами в качестве информативно-реактивного: *Зачем вообще тогда открывать медиаклассы в каждой третьей московской школе? Зачем школьникам, еще засыпающим в обнимку с розовыми пони, плохо ориентирующимся в социальной реальности и не представляющим себе и близко современный информационный процесс, такие премудрости, как «Управление в креативных индустриях», «Бизнес в медиасфере», «Связи с общественностью» и так далее по тексту из анонса на сайте Министерства образования?* (Янушевская, 24.10.2023).

В ходе реконструкции субтактики селекции строевых единиц текста выявлена вся система регистров речи, предложенная коммуникативной грамматикой, и расширена типами речи, характерными для медиатекста.

В результате анализа *субтактики комбинаторики* установлены устойчивые текстообразующие формулы, вскрывающие механику сочетаемости строевых единиц текста. Ведущим способом формирования исследуемых медиатекстов выступает комбинаторика генеритивного регистра речи (ГРР) с информативным (ИРР), что позволяет проецировать переосмысленный общечеловеческий опыт на конкретные ситуации: *...революция – процесс... так же, как и в социальной сфере, происходит в науке и технике, некие события, которые определяют потом развитие надолго* (ГРР). *И, безусловно, таким вот одномоментным событием полупроводниковой революции 20-го века было открытие транзисторов <...>* (ИРР) (Алфёров, 12.04.2010).

Другая двухкомпонентная формула текстообразования представлена комбинацией информативного регистра речи с реактивным, воспроизводящим реакцию на происходящее как самого адресанта, так и разных участников коммуникативной ситуации. Достаточно регулярно в медиатекстах воспроизводится трехкомпонентная формула текстообразования: генеритивный регистр, информативный, реактивный или волюнтивный, вовлекающие аудиторию в диалогическое взаимодействие. Проведенный анализ закрепляет за коммуникативным регистром речи статус кванта текстообразования.

Реконструкция тактики аргументационного композиционирования связана с выявлением механизмов композиционного построения, запускаемых в действие самим процессом аргументации. Предложено понятие *аргументационного комплекса* – сформированного в результате тематического деления тезиса на подтезисы монотематического структурно-композиционного блока, в границах которого строевые единицы текста (коммуникативные регистры) наделяются

аргументативным функционалом. Разработана методика реконструкции аргументационного композиционирования, направленная на определение функций строевых единиц текста в составе аргументационного комплекса; видов аргументов; типов структур аргументации, формирующих аргументационный комплекс. Обозначенные векторы обуславливают соответствующие субтакты ЛРТ: сверхфразовой организации аргументации, квалификации аргументов, структурирования аргументов.

Реконструирование субтакты сверхфразовой организации аргументации сопряжено с определением аргументационных функций регистровых единиц текста. Установлено, что в комбинаторике генеритивного регистра речи с информативным, формирующей авторское рассуждение, первый выполняет функцию введения тезиса, а второй – предъявления аргументов. Такая регистровая функциональность устойчиво прослеживается в текстах Г. Бовта, А. Кораблевой, Патриарха Кирилла, А. Сокурова, И. Антоновой, И. Хакамады, Т. Черниговской и др.

В ходе ЛРТ, синтезирующей техники регистрового анализа и реконструкции аргументации, выявлены два типа сверхфразовой организации медиатекста:

1) доминантный доказательный тип, актуализирующий рассуждение: *Некорректные задания зачастую приводят к осознанному неподчинению сотрудников...* (ГРР = тезис). <...> *Так, 72% респондентов отметили, что часто получают поручения, которые невозможно выполнить качественно из-за нехватки времени или ресурсов* (ИРР = аргумент 1). *62% сталкиваются с непонятными задачами* (ИРР = аргумент 2). *Каждый второй получал поручения, которые должны быть адресованы другим сотрудникам* (ИРР = аргумент 3) <...> (Кораблева, 25.04.2024); а также его доказательно-диалогическая разновидность;

2) нарративный тип, основанный на трансформации информативного плана в репродуктивный, детализирующий и персонифицирующий повествование: *Музеи в первую очередь выступают хранителями* (ГРР = тезис). <...> *Огромные поразительные коллекции были куплены и перевезены через океан* (ИРР = аргумент 1). *В США я провела месяц по приглашению Американской ассоциации музеев. Формат моего визита был таков, что я не имела права жить в отелях – только в семьях руководителей музеев. Первый американский музей, в который я попала, был Музей Изабеллы Стюарт Гарднер в Бостоне. Меня привезли туда глубокой ночью... Ко мне вышел очень пожилой человек с фонариком в руке и повел меня на последний этаж через залы музея. Это был довольно старомодный музей, с гобеленной развеской* <...> (ИРР ≈ репродуктивный РР = аргументы) (Антонова, 02.04.2014).

В результате реконструирования субтакты квалификации аргументов, реализованного на материале интервью главного врача ГКБ № 40 г. Москвы (ММКЦ «Коммунарка») Д. Проценко (02.12.2021), выявлены те виды аргументов, которые эксплуатирует массмедийный дискурс турбулентного времени. Частотна универсальная аргументация, представленная статистическими сведениями. Возрастает значимость персональной эмпирической аргументации, квалифицируемой в качестве «обосновывающей структуру реального» (Х. Перельман, Л. Олбрехт-Тытека), в границах которой активно функционируют

аргументы-примеры и аргументы-иллюстрации, отсылающие к опыту реальной врачебной деятельности.

Декодирование *субтактики структурирования аргументов*, осуществленное на материале медиатекстов пандемийного периода, выявляет доминирование сочинительной аргументации, или связанного рассуждения, представляющего собой комплекс взаимозависимых доводов, каждый из которых непосредственно соотносится с исходной точкой зрения. Такая аргументация способствует реализации субжанра отчета и характерна для политического дискурса. Подчинительная аргументация, или последовательное рассуждение, где один довод поддерживает другой, востребовано, как правило, в ситуациях описания одного и того же референта. Обнаружены случаи комбинаторики в рамках аргументационного комплекса сочинительной и подчинительной структур, что позволяет говорящему переходить от фактуальной констатации к объяснению конкретного явления или процесса.

Реконструкция тактики суперструктурного композиционирования связана с формально-прагматическим аспектом композиционной организации текста. Суперструктурное композиционирование есть интеграция аргументационных комплексов и их инкорпорирование в основную часть риторического текста, а также оформление его коммуникативно-прагматической рамки – вступления и заключения, активизирующих внимание аудитории. Предложена методика реконструкции суперструктурного композиционирования, реализующая принцип поликомпозиционности. Она основывается на установлении корреляций между суперструктурными компонентами медиатекста, его аргументационным составом и регистрами речи как строевыми единицами текста; процедура осуществлена на материале текста С. Шаргунова «Оттолкнуться от дна» (16.05.2019).

Полиаспектный подход позволяет проследить поглощение композиционной единицы одного уровня другой, обеспечивающее смыслообразование. Выявлены следующие преобразования смысла: 1-й уровень (тактика базового композиционирования) – селекция и комбинаторика коммуникативных регистров; 2-й уровень (тактика аргументационного композиционирования) – закрепление за строевыми единицами функций, выполняемых ими в аргументации, формирование регистрами речи аргументационных комплексов; 3-й уровень (тактика суперструктурного композиционирования) – организация суперструктуры текста.

В п. 3.3 «Лингвориторическая реконструкция элокутивной стратегии текстообразования» выявлены механизмы вербализации тактик авторизации и адресации, объективирующих диалогичность текста, а также тактик аксиологической экспликации и риторической триггеризации, связанных с параметром публичности.

Реконструкция тактики авторизации, осуществленная на материале интервью периода пандемии COVID-19 с врачами Д. Проценко, М. Лысенко, В. Вечорко, Л. Феединой, В. Купрейчиком, свидетельствует о достаточно высокой степени субъективации текстов медицинского медиадискурса, которую обеспечивают эгоцентрические единицы: личные местоимения 1-го лица, формирующие т. н. *я*- и *мы*-высказывания, соответствующие притяжательные

местоимения, а также вводные слова и обороты как показатели субъективной модальности. Отмеченная тенденция обусловлена потребностью массовой аудитории в экспертном знании и вызывающем доверие опыте, в определении субъекта ответственности, в психологической поддержке.

Реконструкция тактики адресации реализована на том же эмпирическом материале. Она выявляет как типовые способы и средства взаимодействия с массовой аудиторией (обращения, *вы*-высказывания, *мы*-высказывания со значением объединения коммуникантов, иногда императивные речевые акты), так и нестандартные (имитация диалога или введение типизированной вымышленной речи, часто включающие вопросно-ответные конструкции). Результаты анализа демонстрируют полилогичность речи врачей, общающихся в формате интервью не только с интервьюером, но и опосредованно с россиянами.

Действенным инструментом воздействия становится синтез ресурсов адресации и авторизации, создающий диалогичность: ***А на чем строится гипотеза антиваксеров? Это же наброс на вентилятор: «А, вы не забеременеете!» Есть какие-то исследования? Есть понятная технология создания вакцины, если говорить про «Спутник V». Она не вчерашняя. Аргументы с моей стороны, как проваксера, очень простые – публикации непрекращающиеся, которые демонстрируют все как есть, исследования из других стран, если вы не верите нам, российским докторам и ученым <...>*** (Проценко, 31.07.2021).

Реконструкция тактики аксиологической экспликации нацелена на выявление ценностных доминант, обеспечивающих принятие текста аудиторией. Декодирование аксиологических репрезентантов осуществляется посредством семантического анализа текста, основанного на психолингвистических принципах выявления ключевых знаков в семантической структуре текста и реализуемого автоматизированным способом с помощью технологии SEO (Search Engine Optimization) – инструмента оценки качества текстов (<https://advego.com/text/seo/>). Выявленное семантическое ядро медиатекста позволяет вычлнить аксиологемы, гипотетически разделяемые целевой аудиторией. Например, в текстах пандемийного периода (Федина, 29.09.2020; Проценко, 31.07.2021; Вечерко, 24.12.2021; Лысенко, 05.03.2022) зону семантических совпадений образуют лексемы *пациент* и *все*, что говорит о пациентоориентированности врачей, а также о потребности во всеобщности здоровьесберегающих усилий в условиях турбулентности. Конситуативными аксиологемами выступают лексема *вакцина* и ее производные.

Реконструкция тактики риторической триггеризации сопряжена с исследованием орнаменталистского потенциала текста. Введено понятие *риторического триггера* как разновидности речевого триггера, представляющей собой высказывание, которое может оказывать влияние на аффективную, когнитивную или мотивационную сферы реципиента путем активации тропического потенциала языковых/речевых ресурсов и в идеале предполагает конструктивность результата речевого действия. Выявлены тропы, формирующие риторические триггеры: метафора, олицетворение, метонимия, антитеза, антономазия. Триггерный характер высказывания создается и за счет использования риторических приемов, основанных на нарушении законов логики:

...продолжительность жизни растет, но при этом мы все равно вымираем (Дробышевский, 21.06.2024). Триггерность возрастает при контаминации тропов, например, метафоры и метонимии: *Любое посягательство на жизнь школы – это покушение на человеческие жизни* (Шаргунов, 16.05.2019). Фигуры речи (амплификация, анафора, синтаксический параллелизм, парцелляция и др.) реализуют в ходе триггеризации принцип комплементарности и используются в функции катализатора воздействия.

Таким образом, ЛРТ, воспроизводящая матричный тактико-стратегический конструкт (рис. 2), подтверждает свою валидность.

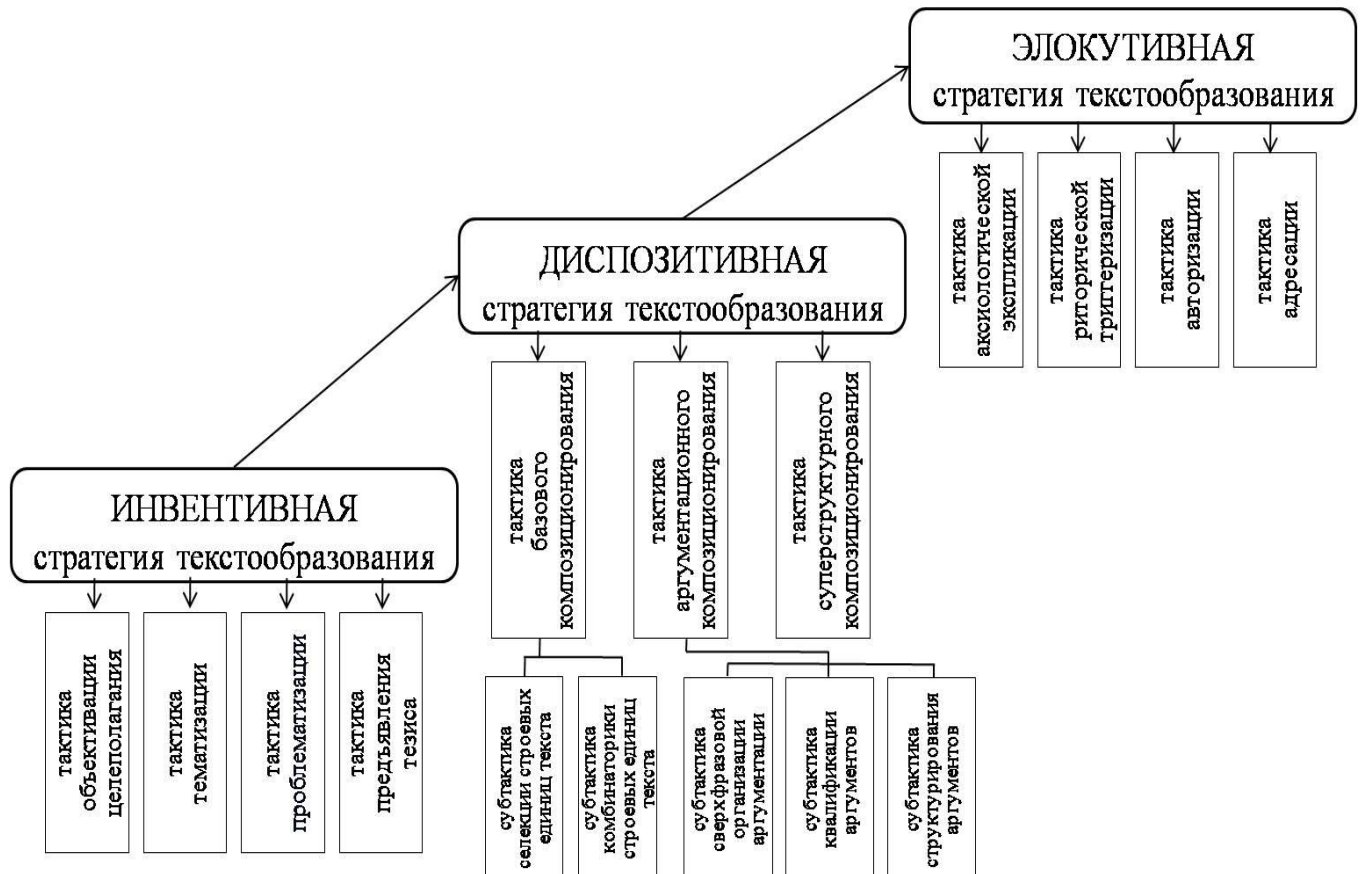

Рисунок 2 – Комплексная матрица лингвориторической реконструкции текстообразования

Глава 4 «Инструментарий риторики декодирования в мониторинге текстовой эффективности» демонстрирует возможности ЛРТ и методики риторического диагностирования в практике оценивания риторического качества и воздействующего потенциала медиатекстов.

В п. 4.1 «Эффективность как гносеологическая доминанта риторико-лингвистических исследований» представлен обзор подходов к феномену коммуникативно-речевой эффективности, развиваемых отечественной риторикой (Ю. В. Рождественский, А. К. Михальская, П. А. Катышев), Саратовской лингвистической школой (О. Б. Сиротинина), прагматикой (Г. П. Грайс, Дж. Лич, Д. Гордон, Дж. Лакофф) и лингвопрагматикой (Е. В. Шелестюк), медиалингвистикой (Л. Р. Дускаева), психолингвистикой (А. А. Леонтьев),

практикой экспертиз медиатекстов (Е. В. Быкова, А. Н. Назайкин, Л. В. Ухова и др.), в том числе судебной лингвистической экспертизой, задающей алгоритмы параметризации правовых рисков (П. А. Катышев, М. А. Осадчий).

В п. 4.2 «Лингвориторическая реконструкция текстообразования: анализ эффективных практик» отражен опыт применения ЛРТ к текстам, авторы которых имеют высокую медийную популярность и являются успешными профессиональными коммуникаторами. Представлены методологические вариации ЛРТ для решения моноаспектных исследовательских задач, а именно для выявления персуазивного потенциала аргументации в практике имагологического моделирования и элокутивной специфики научно-популярных текстов.

На материале текста интервью популярного блогера и телеведущего Е. Колесова⁹, известного российской аудитории по телепрограмме «Открытие Китая» (2016–2017, 2019), в результате реконструкции аргументации определены два направления в формировании образа Поднебесной – рациональное и эмоциональное. Первое основано на эксплуатации универсальных эмпирических аргументов, а также контекстуальных аргументов, апеллирующих к основополагающим для китайской картины мира ценностям, таким как традиция и авторитет. Второе связано с актуализацией оценочных аргументов, претендующих на статус универсальных в силу массового признания телеведущего экспертом по Китаю. Кроме того, эффективность имагологической практики поддерживается разнообразием структур аргументации, используемых говорящим.

Другим материалом ЛРТ становится текст интервью С. Дробышевского¹⁰, востребованного сегодня в медиа палеоантрополога, активно формирующего российский научно-популярный дискурс. В ходе ЛРТ выявлены способы и средства реализации элокутивной стратегии текстообразования, которые создают идиостилевую узнаваемость медиадеятеля и его коммуникативную успешность. К таковым относятся речевые, в том числе риторические, триггеры, используемые ученым-популяризатором для активации массового интереса к проблемам эволюции и научного понимания мира: *Мы и есть обезьяны, специфический вариант; Личное бессмертие обернется тотальным вымиранием для всех* (Дробышевский, 25.10.2022). Результативность медийной практики говорящего обеспечивает и диалогичность, в первую очередь особая адресация, которая характеризуется не стандартной обращенностью к массовой аудитории, а ее вовлечением в диалог с прошлым, в ретроспективу человеческой эволюции: *В отличие от обезьян, мы склонны доверять опыту других, учиться на чужих ошибках в том числе; Мы уже минимум 40 миллионов лет – коллективные существа и завязаны на других индивидах* (Там же).

⁹ Колесов Е. Поднебесная без прикрас: интервью Ю. Новоселовой [Электронный ресурс] // Уральские авиалинии: бортовой журнал. – 2018. – № 2 (103). – С. 61–63. – URL: <https://www.uralairlines.ru/uam/> (дата обращения: 02.02.2025).

¹⁰ Дробышевский С. Бессмертие человека обернется тотальным вымиранием: интервью Д. Бердниковой [Электронный ресурс] // Vtomske.ru. 25.10.2022. – URL: <https://vtomske.ru/interview/194900-stanislav-drobyshevskii-bessmertie-cheloveka-obernetsya-totalnym-vymiraniem/> (дата обращения: 02.02.2025).

ЛРТ, реализованная на материале текстов, формирующих эффективные медийные практики, демонстрирует свой дискурсивный методологический потенциал.

В п. 4.3 «Риторические риски в медиатекстах турбулентных периодов» изложена *субтеория риторических рисков*. Она учитывает лингвистический опыт изучения рискогенности (Е. Ю. Викторова, М. А. Кормилицына, О. Б. Сиротинина, З. И. Резанова и др.) и получает апробацию на материале текстов политического дискурса (пенсионная реформа 2018 г.; пандемия COVID-19 2020–2022 гг.; разрушительное наводнение на Южном Урале и в Западной Сибири 2024 г.).

Риторический риск есть опасность снижения текстовой эффективности, которая возникает вследствие несоблюдения технологий риторического текстообразования и создает тем самым угрозу реализации авторского коммуникативно-речевого замысла. В соответствии с концептуальной логикой и методологическими принципами риторики декодирования выделены зоны риторических рисков: инвентивная, диспозитивная, элокутивная. Инвентивные риски в исследуемых текстах формируются за счет неопределенности практической цели говорящего, ортодоксального характера тезиса или его имплицитности. Индикаторами диспозитивной зоны рисков выступают однотипность аргументации, в том числе перенасыщение текста статистикой, подмена аргументов гипотетическими утверждениями, частотность связанных рассуждений, актуализирующих сочинительную структуру аргументации. Об элокутивной зоне рисков свидетельствуют нивелирование аксиологизации, игнорирование адресации, вуалирование авторизации либо, напротив, ее нарочитость.

Введено понятие *риторической коморбидности* – сосуществования в «анамнезе» текста двух и более риторических рисков, как правило, разной этиологии, приводящих текст к его коммуникативной несостоятельности.

В п. 4.4 «Риторическое диагностирование: опыт экспериментального исследования» представлены результаты верифицирующего этапа РДТ, реализующего экспериментальную методику риторического диагностирования, которая направлена на идентификацию и оценку параметров риторичности текста, позволяющих прогнозировать его эффективность/неэффективность.

Описаны подготовительный, основной и заключительный этапы риторического диагностирования.

Идея параметризации текста получает реализацию в структуре и содержании разработанной карты риторического диагностирования, позволяющей организовывать оценку текстов респондентами. Моделирование карты и ее оценочные процедуры опираются на авторитетный опыт специалистов в области лингвистической экспертизы текста. Структура карты риторического диагностирования включает: а) код параметра: А, В, С, D, Е; б) наименование параметра: диалогичность, публичность, аргументированность, актуальность, акциональность; в) качественные характеристики реализации параметра; г) количественные характеристики реализации параметра, которые оцениваются по системе двоичного исчисления: [0; 1], где 1 обозначает реализованность критерия, 0 – нереализованность. Диагностическая карта является основным

инструментом сбора данных, ее валидность проверена экспериментальными итерациями начиная с 2021 года.

Контингент испытуемых – студенты и магистранты новосибирских вузов, преимущественно НГТУ; возраст – от 18 до 25 лет. Обработано 360 карт риторического диагностирования; получено 2 520 реакций.

Подробно описаны три экспериментальные итерации, направленные на доказательство четырех выдвинутых гипотез. В первой экспериментальной итерации приняли участие 240 человек; во второй – 70; в третьей – 50. В качестве стимулов, предложенных испытуемым, выступили тексты таких медиаперсон, как М. Мурашко (министр здравоохранения РФ), М. Лысенко (главный врач ГКБ № 52 г. Москвы), А. Пушной (музыкант, телеведущий, выпускник НГУ), С. Дробышевский (палеоантрополог, доцент МГУ, популяризатор науки). Все тексты-стимулы были представлены в видеоформате, средняя продолжительность звучания – 5 минут 30 секунд. Распределение текстов по итерациям эксперимента отражено в таблице 1.

Для интерпретации результатов эксперимента разработана субметодика, предлагающая интервальную процентную шкалу (от 0% до 25%; от 26% до 50%; от 51% до 75%; от 76% до 100%), где каждый интервал коррелирует со степенью обнаружения испытуемыми параметров риторичности (низкая; ниже средней; средняя; высокая), а также с соответствующим типом риска (катастрофический; критический; допустимый; без риска). *Субметодика интервального шкалирования* есть оптимальный инструментальный для установления соответствий между количественными и качественными показателями эксперимента. Кроме того, при анализе данных учитывается критерий, связанный со степенью расхождения реакций испытуемых (максимальный разрыв – нулевой).

В результате всех трех экспериментальных итераций доказана гипотеза 1, выдвигающая идею обусловленности эффективности текста всеми компонентами системы риторической параметризации. При этом определено, что степень распознавания реципиентами того или иного текстового свойства во избежание коммуникативных неудач не должна опускаться ниже области допустимых рисков.

Гипотеза 2, содержащая предположение об однозначной оценке диалогичности респондентами, не подтверждена в силу выявленного при диагностировании адресации критически низкого показателя расхождения реакций испытуемых (< 25%), что указывает на тенденцию к паритетности мнений «за» и «против», на дискуссионный характер интерпретации этого параметра.

Гипотеза 3, рассматривающая акциональность как наиболее сложный параметр диагностирования, требующий контекстуальной эрудированности респондента, подтверждена результатами всех экспериментальных итераций.

Для разрешения противоречивых ситуаций декодирования применялся прием встречной проверки, связанный с проведением аналитических процедур из арсенала ЛРТ: объяснены таким образом причины снижения положительных реакций на аргументацию М. Лысенко, обоснована специфика адресации в речи С. Дробышевского, проиллюстрирована идея языковой эгоцентричности. Результаты экспериментальных итераций 1–3 представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Сводные результаты риторического диагностирования

Код параметра	Наименование параметра	Положительные реакции на тексты-стимулы, %			
		Экспериментальная итерация 1		Экспериментальная итерация 2	Экспериментальная итерация 3
		Текст-стимул 1 (М. Мурашко, 16.07.2021)	Текст-стимул 2 (М. Лысенко, 04.10.2021)	Текст-стимул 3 (А. Пушной, 20.03.2023)	Текст-стимул 4 (С. Дробышевский, 30.05.2023)
A ₁	Диалогичность (авторизация)	15,8	97,5	100,0	94,0
A ₂	Диалогичность (адресация)	62,5	91,7	58,6	60,0
B ₁	Публичность (доступность)	97,5	86,7	85,7	90,0
B ₂	Публичность (речевое своеобразие)	6,7	67,5	81,4	76,0
C	Аргументированность	85,0	65,0	80,0	88,0
D	Актуальность	93,3	96,7	74,3	92,0
E	Акциональность	69,2	50,0	54,3	58,0

Гипотеза 4, предполагающая возможность исчисления риторичности, получает подтверждение в предложенной процедуре расчета соответствующего индекса.

Индекс риторичности текста – это показатель степени распознавания реципиентом параметров текста, обуславливающих его эффективность. Формула индекса риторичности ($I_{\text{рит}}$) представлена следующим образом:

$$I_{\text{рит}} = \frac{\sum_{i=1}^n \bar{x}_i}{B_{\text{макс}}},$$

где $\bar{x}_i$ – среднее арифметическое значение i -го параметра, n – количество параметров диагностирования (в данном случае от 1 до 7), $B_{\text{макс}}$ – максимальная сумма баллов риторического диагностирования текста.

Результаты вычисления индекса риторичности, произведенные с помощью функционала программы Microsoft Excel, отражены в таблице 2.

Таблица 2 – Индексы риторичности текстов-стимулов

Текст-стимул	Индекс риторичности
Текст-стимул 1	0,62
Текст-стимул 2	0,78
Текст-стимул 3	0,76
Текст-стимул 4	0,80

Самый низкий индекс имеет текст, два параметра которого попадают в зону катастрофических рисков, что демонстрирует риторическую коморбидность, а остальные пять с высокой и средней степенями проявления признака позволяют ему существовать в медийном поле на грани приемлемости и коммуникативной неудачи.

Индекс риторичности – динамический показатель, который не может быть константой и жестко заданным нормативом текстовой эффективности в силу множества факторов – от полной утраты медиатекстом актуальности до изменения качественного состава испытуемых. Его функциональное назначение заключается в возможности фиксировать определенные срезы коммуникативной реальности путем объективации представлений носителей языка о качестве текста и мнений о его воздействующем потенциале. Полученные индексы риторичности медиатекстов – пользовательские, не экспертные, поскольку они рассчитаны на основании реакций массовой однотипной аудитории, хотя и не лишенной определенных риторических знаний. Такой подход оправдан тем обстоятельством, что именно на восприятие, понимание и оценку медиатекста массовым сознанием и призвана ориентироваться практика медийного текстопроизводства.

В заключении обобщены результаты проведенного исследования и определены его перспективы. Арсенал основных достижений работы составляют: понятие риторического текстотипа, обеспечивающее когнитивизацию риторической теории; модель РДТ, имеющая широкий спектр применения; основанный на тактико-стратегической матрице метод ЛРТ и результаты его апробации; субтеория риторических рисков; методика риторического диагностирования текста, включающая субметодику интервального шкалирования.

Проекция методологии риторического декодирования на медиатекст углубляет теорию медиатекстуальности, реализуя экспланаторную функцию в соответствии с требованиями современной лингвистической парадигмы. Признание прототипичности риторического текстового образца по отношению к медиатексту обеспечивает возможности иерархизации его типологических параметров, что проливает свет на генезис текстов массовой коммуникации.

Вклад риторики декодирования в общую теорию текстовой эффективности состоит в последовательной разработке и пролонгированной апробации квалитативного и квантитативного инструментария измерения воздействующего потенциала медиатекста – ЛРТ и риторического диагностирования.

Перспективы исследования определяются двумя глобальными траекториями развития концепции риторики декодирования – номотетической и идиографической. Первый путь предполагает накопление общих теоретических сведений путем расширения эмпирической базы исследования текстами других дискурсов. Второй путь связан с экстраполяцией методологии ЛРТ на конкретные тексты как составляющие определенной социокультурной ситуации с целью установления их речевой уникальности и персуазивно-перлокутивной специфичности.

Полученный опыт в области выявления риторических рисков медиатекстов имеет обоснованные шансы развиваться в теорию текстообразующей лакунарности, когнитивно-дискурсивную по своей природе. Перспективным представляется

расширение спектра предложенных экспериментальных методик измерения текстовой эффективности, диагностирующих понимание и активирующих метапонимание.

СПИСОК ПУБЛИКАЦИЙ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

В журналах, включенных в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора наук по специальности 5.9.8

1. Моруна, Л. А. Зоны риторических рисков в медиатекстах турбулентного времени / Л. А. Моруна. – DOI 10.24224/2227-1295-2024-13-4-132-151 // Научный диалог. – 2024. – № 13 (4). – С. 132–151. – 1,2 п. л. (*Web of Science, Scopus*)
2. Моруна (Голышкина), Л. А. Аргументационная специфика пандемийного медиадискурса: практика риторического декодирования / Л. А. Моруна (Голышкина). – DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-6-171-182 // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. – 2023. – Т. 22, № 6. – С. 171–182. – 1,39 п. л. (*Scopus*)
3. Моруна (Голышкина), Л. А. «О мерах для сближения с Монголией»: риторическое декодирование аналитической записки / Л. А. Моруна (Голышкина). – DOI 10.20339/PhS.4-23.031 // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. – 2023. – № 4. – С. 31–38. – 0,6 п. л. (*Web of Science*)
4. Голышкина, Л. А. Сверхфразовая организация риторического текста / Л. А. Голышкина. – DOI 10.17223/18137083/75/20 // Сибирский филологический журнал. – 2021. – № 2. – С. 283–296. – 0,87 п. л. (*Scopus, Web of Science*)
5. Голышкина, Л. А. Риторика декодирования: теоретико-методологическое обоснование научного направления / Л. А. Голышкина. – DOI 10.24224/2227-1295-2020-5-9-24 // Научный диалог. – 2020. – № 5. – С. 9–24. – 1 п. л. (*Web of Science*)
6. Голышкина, Л. А. Полиаспектность композиционной структуры риторического текста / Л. А. Голышкина. – DOI 10.24224/2227-1295-2019-10-94-109 // Научный диалог. – 2019. – № 10. – С. 94–109. – 1 п. л. (*Web of Science*)
7. Моруна (Голышкина), Л. А. Лингвориторическая реконструкция элокутивной стратегии текстообразования в медиатекстах турбулентного времени / Л. А. Моруна (Голышкина). – DOI 10.30853/phil20230177 // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2023. – Т. 16, № 4. – С. 1248–1254. – 0,87 п. л.
8. Моруна, Л. А. Прототип и инвариант в концепции риторического декодирования текста / Л. А. Моруна // Когнитивные исследования языка. – Тамбов: Издательский дом «Державинский», 2023. – Вып. 3 (54): Когниция, коммуникация, дискурс: современные аспекты исследования. – Ч. 2. / отв. ред. Л. А. Фурс. – С. 733–737. – 0,31 п. л.
9. Моруна (Голышкина), Л. А. Семиотические основания риторического декодирования текста / Л. А. Моруна (Голышкина). – DOI 10.52070/2542-2197_2023_8_876_66 // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2023. – № 8 (876). – С. 66–72. – 0,87 п. л.
10. Моруна, Л. А. Элокутивная специфика медицинских массмедийных текстов турбулентного периода в аспекте риторического декодирования / Л. А. Моруна. – DOI 10.36809/2309-9380-2022-37-115-120 // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. – 2022. – № 4 (37). – С. 115–120. – 0,75 п. л.
11. Моруна (Голышкина), Л. А. Ментальный текст-образец как ориентир риторического декодирования / Л. А. Моруна (Голышкина) // Когнитивные исследования языка. – Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2022. – Вып. 3 (50): Когниция, культура, коммуникация в современных гуманитарных науках / отв. ред. Е. В. Федяева. – С. 305–308. – 0,25 п. л.

12. Голышкина, Л. А. Риторическое декодирование текста ритуальной политической коммуникации / Л. А. Голышкина. – DOI 10.26170/1999-2629_2021_03_05 // Политическая лингвистика. – 2021. – № 3 (87). – С. 56–66. – 1,28 п. л.

13. Голышкина, Л. А. Риторика декодирования: понятие и методологический инструментарий / Л. А. Голышкина // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2020. – № 8 (837). – С. 160–171. – 0,75 п. л.

14. Голышкина, Л. А. Когнитивно-коммуникативные основания риторики декодирования / Л. А. Голышкина // Когнитивные исследования языка. – Екатеринбург: Изд-во УрГПУ, 2020. – Вып. 2 (41): Когнитивно-дискурсивная парадигма в лингвистике и смежных науках / отв. ред. А. П. Чудинов. – С. 544–547. – 0,25 п. л.

15. Голышкина, Л. А. Текстобразование как ориентировочная деятельность: опыт экспериментального исследования / Л. А. Голышкина. – DOI 10.30982/2077-5911-2020-43-1-23-35 // Вопросы психолингвистики. – 2020. – № 1 (43). – С. 23–35. – 0,93 п. л.

16. Голышкина, Л. А. Модель коммуникативного контекста как когнитивная основа текстобразования: к проблеме выявления типологической специфики текстов / Л. А. Голышкина // Когнитивные исследования языка. – М.: МГУ им. М. В. Ломоносова, 2018. – Вып. XXXIV: *Cognitio* и *Communicatio* в современном глобальном мире / отв. ред. Л. А. Манерко. – С. 486–489. – 0,25 п. л.

17. Голышкина, Л. А. Система риторических стратегий текстобразования как фактор эффективности политической коммуникации / Л. А. Голышкина // Политическая лингвистика. – 2018. – № 6 (72). – С. 34–42. – 1,05 п. л.

18. Голышкина, Л. А. Риторические основания типологизации интервью / Л. А. Голышкина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 7, ч. 2. – С. 75–79. – 0,6 п. л.

19. Голышкина, Л. А. Структуры аргументации в ритуальной политической речи / Л. А. Голышкина // Политическая лингвистика. – 2016. – № 5 (59). – С. 63–68. – 0,87 п. л.

20. Голышкина, Л. А. Феномен риторического текста: к проблеме осмысления типологических свойств и механизмов формирования / Л. А. Голышкина // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – 2012. – № 3. – С. 25–28. – 0,5 п. л.

В журналах, включенных в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК по специальности 5.9.5

21. Голышкина, Л. А. Об уровнях моделирования и стратегиях формирования риторического текста / Л. А. Голышкина // Мир русского слова. – 2017. – № 1. – С. 54–60. – 0,69 п. л.

22. Голышкина, Л. А. Система типологических свойств риторического текста / Л. А. Голышкина // Мир русского слова. – 2015. – № 3. – С. 31–37. – 0,69 п. л.

В коллективных монографиях

23. Морина, Л. А. Аргументационное моделирование образа Китая в просветительском интервью (из опыта риторического декодирования) / Л. А. Морина // Филология и лингводидактика: российско-китайский научный диалог: коллективная монография / под ред. А. Г. Кротовой. – Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2023. – Гл. 1.1. – С. 10–24. – 0,94 п. л.

24. Морина (Голышкина), Л. А. Из истории отношений России и Монголии, или о композиционной структуре текста в свете риторического декодирования / Л. А. Морина (Голышкина) // Контакты русской и монгольской культур в филологическом измерении: коллективная монография / под ред. Е. В. Гилевой, Г. М. Мандриковой. – Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2022. – Гл. 1.2. – С. 17–39. – 1,44 п. л.

25. Голышкина, Л. А. Лингвориторическое декодирование ритуального политического диалога / Л. А. Голышкина // Язык – культура – образование: коллективная монография / под ред. С. В. Русановой. – Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2021. – Гл. 1.2. – С. 26–43. – 1,12 п. л.

26. Голышкина, Л. А. Сверхфразовая организация рассказа И. А. Бунина «Книга»: к проблеме построения комплексной модели анализа художественного текста / Л. А. Голышкина //

Книга о «Книге»: филологический анализ художественного текста: коллективная монография. – Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2014. – С. 80–90. – 0,68 п. л.

В научных журналах

27. Морина, Л. А. Об эффективности пандемийного медиатекста: экспериментальные наблюдения в фокусе риторического декодирования / Л. А. Морина // Этнопсихолингвистика. – 2022. – № 3 (10). – С. 51–61. – URL: <https://www.epl-inion.org/article.php?id=106> (дата обращения: 02.07.2025). – 0,68 п. л.

28. Голышкина, Л. А. Риторическая реконструкция как методологический инструмент экологии текста [Электронный ресурс] / Л. А. Голышкина // Экология языка и коммуникативная практика. – 2019. – № 3. – С. 11–18. – URL: <http://ecoling.sfu-kras.ru/?p=870&lang=ru> (дата обращения: 02.07.2025). – 0,5 п. л.

29. Голышкина, Л. А. О методологическом вкладе лингвистики текста в практику дискурсивного анализа (на материале Нобелевской лекции И. Бродского) [Электронный ресурс] / Л. А. Голышкина // Экология языка и коммуникативная практика. – 2017. – № 2. – С. 66–76. – URL: <http://ecoling.sfu-kras.ru/?p=497&lang=ru> (дата обращения: 02.07.2025). – 0,68 п. л.

30. Голышкина, Л. А. О методологических основаниях изучения риторического текста / Л. А. Голышкина // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты. – 2014. – № 19. – С. 82–88. – 0,87 п. л.

31. Голышкина, Л. А. Риторический текст как инструмент преодоления конфликта / Л. А. Голышкина // Lingua mobilis. – 2014. – № 2 (48). – С. 46–55. – 0,62 п. л.

32. Голышкина, Л. А. Риторический текст как средство управления общественными процессами [Электронный ресурс] / Л. А. Голышкина // Социальные науки: social-economic sciences. – 2014. – № 1. – С. 46–57. – URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_22481246_53924386.pdf (дата обращения: 02.07.2025). – 0,75 п. л.

В сборниках научных трудов, материалах всероссийских и международных научных конференций

33. Морина, Л. А. Риторический риск: понятие и стратегии декодирования / Л. А. Морина // Динамика языковых и культурных процессов в современной России: материалы VIII Конгресса РОПРЯЛ, Красноярск, 10–14 сент. 2024 г. – СПб.: РОПРЯЛ, 2024. – Вып. 8. – С. 119–122. – 0,25 п. л.

34. Морина, Л. А. Диалогичность в контексте риторического декодирования (на материале пандемийных текстов) / Л. А. Морина // Новейшая филология: динамика речевых и текстовых форм: материалы II Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, посвящ. пам. Б. И. Осипова и М. П. Одинцовой, Омск, 20–22 сент. 2022 г. – Омск: Изд-во ОмГУ, 2022. – С. 188–193. – 0,37 п. л.

35. Морина, Л. А. Лингвориторическая реконструкция аргументации в публицистических текстах о пандемии / Л. А. Морина // Медиалингвистика: материалы VI Междунар. науч. конф. «Язык в координатах массмедиа», Санкт-Петербург, 30 июня–2 июля 2022 г. – СПб.: Медиапайр, 2022. – Вып. 9. – С. 246–250. – 0,31 п. л.

36. Морина, Л. А. Элокутивные параметры и их вербализация: из опыта риторического декодирования медиатекстов турбулентного периода / Л. А. Морина // Коммуникативная культура: история и современность: материалы XII Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, Новосибирск, 28 окт. 2022 г. – Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2022. – С. 294–301. – 0,5 п. л.

37. Морина, Л. А. Медиатекст в аспекте риторического декодирования / Л. А. Морина // Коммуникативная культура: история и современность: материалы XI Междунар. науч.-практ. конф., Новосибирск, 29 окт. 2021 г.: в 2 ч. – Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2021. – Ч. 1. – С. 261–267. – 0,44 п. л.

38. Морина, Л. А. Оценка эффективности текста в аспекте риторического декодирования / Л. А. Морина // Язык. Общество. Образование: сб. науч. тр. II Междунар. науч.-практ. конф. «Лингвистические и культурологические аспекты современного инженерного образования», Томск, 10–12 нояб. 2021 г. – Томск: Изд-во ТПУ, 2021. – С. 68–72. – 0,31 п. л.

39. Голышкина, Л. А. Возможности риторики декодирования в диагностировании коммуникативного действия медиатеателя / Л. А. Голышкина // Медиа в современном мире.

59-е Петербургские чтения: сб. материалов Междунар. науч. форума, 9–12 нояб. 2020 г.: в 3 т. – СПб.: Медиапапир, 2020. – Т. 3. – С. 40–42. – 0,18 п. л.

40. Голышкина, Л. А. Риторика декодирования как направление филологического знания: к постановке проблемы / Л. А. Голышкина // Риторические традиции и коммуникативные процессы в эпоху цифровизации: сб. тр. XXIII Междунар. науч. конф., Москва, 6–8 февр. 2020 г. – М.: Изд-во МГЛУ, 2020. – С. 243–256. – 0,87 п. л.

41. Голышкина, Л. А. Реконструкция риторических стратегий текстообразования как индикатор рисков текстовой эффективности / Л. А. Голышкина // Русское слово в многоязычном мире: материалы XIV Конгресса МАПРЯЛ, Казахстан, Нур-Султан, 29 апр.–3 мая 2019 г. – СПб.: МАПРЯЛ, 2019. – С. 686–690. – 0,3 п. л.

42. Голышкина, Л. А. Текстообразование в свете эксперимента «от действия к деятельности» / Л. А. Голышкина // Теория речевой деятельности: вызовы современности: материалы XIX Междунар. симп. по психолингвистике и теории коммуникации, Москва, 6–8 июня 2019 г. – М.: Канцлер, 2019. – С. 197–198. – 0,12 п. л.

43. Голышкина, Л. А. Коммуникативно-грамматическая специфика риторического текста / Л. А. Голышкина // Актуальные проблемы обучения русскому языку XIII = Current issues of the Russian language teaching XIII: sborník prací pedagogické fakulty MU Česká republika. – Brno: Masarykova univerzita, 2018. – S. 272–278. – DOI 10.5817/CZ.MUNI.P210-9077-2018. – 0,44 п. л. (*Web of Science*)

44. Голышкина, Л. А. Риторическое моделирование публичного диалога: стратегии и принципы текстообразования (на материале текстов интервью) / Л. А. Голышкина // Пространства коммуникации: язык, литература, медиа: материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию Иркут. гос. ун-та, 18–21 сент. 2018 г. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2018. – С. 508–515. – 0,5 п. л.

45. Голышкина, Л. А. Аргументация в ритуальном политическом дискурсе: структурная организация и языковое воплощение / Л. А. Голышкина // Русский язык в поликультурном мире: сб. науч. ст. I Междунар. симп., Ялта, 8–12 июня 2017 г.: в 2 т. – Симферополь: Ариал, 2017. – Т. 1. – С. 273–279. – 0,44 п. л.

46. Голышкина, Л. А. Лингвистика текста на службе у дискурс-анализа: к проблеме реконструкции смыслообразования / Л. А. Голышкина // Язык и мир: материалы VIII Междунар. лингвист. конгресса, Ялта, 5–8 окт. 2017 г. – Симферополь: ИП Минакир И. Л., 2017. – С. 40–42. – 0,37 п. л.

47. Голышкина, Л. А. Правильный текст в практике массовой коммуникации: миф или реальность? / Л. А. Голышкина // Экология родного языка и культуры: сб. ст. – М.: ФЛИНТА; Наука, 2017. – Вып. 2. – С. 35–42. – 0,5 п. л.

48. Голышкина, Л. А. Риторический текст как прототип медиатекста / Л. А. Голышкина // Медиалингвистика: материалы II Междунар. науч.-практ. конф. «Язык в координатах массмедиа», Санкт-Петербург, 2–6 июля 2017 г. – СПб.: Изд-во СПбГУ, Ин-т «Высш. шк. журн. и мас. коммуникаций», 2017. – Вып. 6. – С. 34–35. – 0,12 п. л.

49. Голышкина, Л. А. Стратегии риторического текстообразования как индикатор типа интервью / Л. А. Голышкина // Стылістыка: мова, маўленне і тэкст: зб. навуков. прац: да 95-годдзя заслуж. работніка адукацыі Рэспублікі Беларусь, д-ра філал. навук, праф. М. Я. Цікоцкага. – Мінск: Адукацыя і выхаванне, 2017. – С. 353–360. – 0,5 п. л.

50. Голышкина, Л. А. Ценностные доминанты современного риторического идеала в коммуникативном сознании российского студенчества / Л. А. Голышкина // Slavica Formosana I. Humanitarian values in slavic languages and cultures: coll. of research papers of the 6 intern. conf. «Modern problems of Slavic philology: humanitarian values in Slavic languages and cultures», Republic of China, Taiwan, 2015. – Taipei, 2016. – Vol. 1. – P. 445–458. – 0,87 п. л.

51. Голышкина, Л. А. О персуазивности ритуальной политической речи: риторические наблюдения / Л. А. Голышкина // Социальные коммуникации и эволюция обществ: материалы

V Междунар. науч.-практ. конф., Новосибирск, 9–10 сент. 2015 г. – Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2016. – С. 496–501. – 0,37 п. л.

52. Голышкина, Л. А. Модель речевой коммуникации как методологический конструкт: к проблеме изучения природы риторического текста / Л. А. Голышкина // Риторика в контексте образования и культуры: материалы XIX Междунар. науч. конф., Рязань, 29–31 янв. 2015 г. – Рязань: Полиграф, 2015. – С. 26–30. – 0,31 п. л.

53. Голышкина, Л. А. Риторический текст как инструмент конструирования реальности / Л. А. Голышкина // Межкультурная коммуникация: лингвистические и лингводидактические аспекты: сб. материалов IV Междунар. науч.-метод. конф., Новосибирск, 18–19 апр. 2013 г. – Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2013. – С. 49–59. – 0,68 п. л.

54. Голышкина, Л. А. Риторический текст как средство эффективной коммуникации: к вопросу о категориальных параметрах феномена / Л. А. Голышкина // Социальные коммуникации и эволюция обществ: сб. ст. IV междунар. науч.-практ. конф., Новосибирск, 11–12 сент. 2013 г. – Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2013. – С. 337–344. – 0,5 п. л.